

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Т. В. Платонова

КОРПОРАТИВНЫЕ ОРГАНЫ САРАТОВСКОГО ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XVIII века дворянство юридически оформлялось как высшее сословие России. Господствующее, привилегированное положение дворян землевладельцев и душевладельцев было зафиксировано целым рядом нормативных актов. В частности, манифест Петра III от 18 февраля 1762 г. провозглашал «благородное дворянство яко главный в государстве член»¹, а в «Наказе» Екатерины II, опубликованном в июле 1767 г., отмечалось, что «дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оными украшены»². Окончательное закрепление сословной организации дворянства произошло в 1785 г. с выходом «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», именуемой в исторической литературе Жалованной грамотой дворянству.

Важную роль в складывании сословного дворянского общества имела губернская реформа, осуществленная Екатериной II после пугачевского восстания. В стране было введено новое административно-территориальное устройство. Губернии разукрупнялись, вводилось местное управление, поднявшее роль провинциального дворянства. Законодательным актом 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» Екатерина II создала строгую централизованную унифицированную систему, при которой, как справедливо отмечают Е. В. Анисимов и А. Б. Каменский, «каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель на-

---

¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 15. № 11444.

² ПСЗ-1. Т. 18. № 12 949.

ходились бы под неусыпным контролем правительства»³. Интересы дворянства учитывались в первую очередь. Реорганизовав систему местного управления, Екатерина II предоставила дворянству возможность широкого участия в нем. Судебные органы были отделены от исполнительной власти, а уголовное судопроизводство от гражданского. В организации суда сохранялся сословный принцип⁴. Реформа 1775 г. повысила значение местного дворянства в управлении и суде. По подсчетам Н. П. Ерошкина, из 75 штатных чиновников, определяемых в состав новых учреждений губерний, дворяне выбирали около 1/3 состава, примерно столько же рекомендовали Сенату для определения на различные чиновничьи должности губернии. Еще заметнее стала роль местного дворянства в уездах, где дворяне выбирали до половины всего состава чиновников⁵.

Отмена обязательной службы дворянства манифестом Петра III давала право дворянам жить в своих поместьях. По мнению А. Романовича-Славатинского, дворян тянуло в деревню для того, « чтобы полежебокствовать, чтобы насладиться привольем и покоем сельской жизни, чтобы показать дворянскую волю над холопами и дать разгуляться страстям и инстинктам»⁶. Однако более важным моментом, вероятно, явилось то, что в условиях увеличивающегося в стране спроса на сельскохозяйственную продукцию у дворян появилась возможность заняться собственным хозяйством. Это обстоятельство отвечало и интересам государства. По замыслу Екатерины II, дворян надо было «закрепить» в провинции, обязав «наряжать, ставить чиновников» в губернские и уездные присутственные места.

«Учреждения о губерниях» вводились постепенно: 28 глав этого акта были утверждены 7 ноября 1775 г., а три последние главы – 4 января 1780 г. В этом документе еще ничего не говорилось об обособлении губернского дворянского общества. Для управления губернией полагался в качестве старшего начальника государев наместник или генерал-губернатор. Учреждалась должность правителя или губернатора. В уездах дворянское общество возглавляли уездные предводители. По уездам дворяне избирали множество должностных лиц и имели собственный дворянский суд, но, как отмечает Б. Н. Миронов, представители высшего сословия приобрели право

---

³ Анисимов Е. В., Каменский А. Б. Россия в XVIII – первой половине XIX века. М., 1994. С. 169.

⁴ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

⁵ См.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 124.

⁶ Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 408.

иметь корпоративную организацию на уездном уровне задолго до 1775 г.⁷ «Учреждения о губерниях» дали уездной дворянской корпорации лишь более правильную организацию. Логика событий подсказывала обособить дворян России по губерниям. Юридически должности губернского предводителя дворянства еще не существовало, но в ряде мест, как показывает в своем труде С. В. Любимов, в том числе в Саратовской губернии, эти должностные лица выбирались⁸. Окончательное оформление губернского дворянского общества произошло спустя 10 лет после выхода «Учреждений о губерниях» со вступлением в действие Жалованной грамоты дворянству. Высшее сословие в каждой губернии, обособившееся постепенно в отдельное дворянское общество, окончательно получило регламентированный юридический статус.

В 1779 г., согласно императорским указам, астраханский губернатор И. В. Якоби руководил активной работой по образованию в северной части своей обширной губернии нового Саратовского наместничества (губернии), которое официально было открыто 3 февраля 1781 г.⁹ Дворянское общество края было уже достаточно представлено жителями Саратова, окружных центров и поместий, разбросанных по всей губернии. В Саратовском крае процесс формирования корпоративного сословного дворянского общества начался, вероятно, одновременно с образованием наместничества.

Органом дворянского общества стало свое дворянское губернское собрание, соединившее всех местных дворян в одно целое. Согласно Жалованной грамоте, дворянские губернские собрания созывались «по дозволению генерал-губернатора или губернатора... всякие три года» обычно в зимнее время. Могли быть и чрезвычайные собрания «для выслушивания предложений» начальника губернии. В собрании мог присутствовать каждый дворянин, достигший 25 лет, однако иметь право голоса, быть избранным в должность, пользоваться правами в составе дворянского общества, «с заслуженными сидеть» мог только тот, кто имел поместье в губернии и получил в военной или гражданской службе обер-офицерский чин. Для уча-

---

⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 82.

⁸ Любимов С. В. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. 1777–1910 гг. СПб., 1911. С. 56.

⁹ Об образовании наместничества и дальнейшие изменения в административно-территориальном делении Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века подробно освещены М. В. Булычевым (см.: Саратовское Поволжье: история и современность. Материалы научной конференции. Саратов, 1999. С. 36–41).

ствия в выборах устанавливался имущественный ценз, который сначала был очень низок: избранным мог быть дворянин, получающий со своих деревень от ста рублей дохода¹⁰. Личные дворяне не допускались в собрание. В ходе собраний рассматривались «нужды и пользы» представителей высшего сословия, проводилась баллотировка на дворянские должности.

Первые дела саратовского дворянского собрания датируются 1787 годом. Но, как видно из разных отметок и формулярных списков, первые выборы на дворянские должности состоялись раньше. С. В. Любимов называет губернских предводителей дворянства Саратовского наместничества с 1780 г. Это полковник Петр Афанасьевич Бекетов (1780–1783), подполковник Дмитрий Федорович Желтухин (1783–1785), обер-штабмейстер Лев Александрович Нарышкин (1785–1788), капитан Игнатий Никифорович Киселев (1788–1790), поручик Николай Петрович Юрьев (1790–1793), секунд-майор князь Яков Федорович Кугушев (1793–1796) и др.¹¹. Несколько иные сведения приводит А. Н. Минх. Опуская первого предводителя дворянства, вторым он называет Д. Ф. Желтухина, избранного дворянством и утвержденным государем в должности в 1784 году, затем – И. Н. Киселева, находящегося в должности с 1787 года¹². Вероятно, разночтения связаны с тем, что выборы дворянства проходили обычно в конце года, в декабре, а на утверждение в должности требовалось еще некоторое время. Дела о проведении первых дворянских собраний, к сожалению, пока не обнаружены. Однако в «Московских ведомостях» от 22 мая 1781 г. было помещено сообщение о представлении императрице Екатерине II в Царском Селе депутатов от дворянства Саратовского наместничества¹³. Спустя несколько лет, 17 марта 1784 г., депутаты во главе с губернским предводителем оберштабмейстером и кавалером Л. А. Нарышкиным вновь «имели счастье быть представлены ее императорскому величеству»¹⁴.

Таким образом, несправедливо исключать фамилию известного царского вельможи времен Екатерины II из списков первых предводителей дворянства Саратовского наместничества.

Л. А. Нарышкин (1733–1799) получил титул оберштабмейстера в день коронации Екатерины II. Имея в свете репутацию шутника и

---

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 22. № 16187.

¹¹ См.: Любимов С. В. Указ. соч. С. 56.

¹² См.: Минх А. Н. Материалы для истории Саратовской губернии // Саратовский сборник. Саратов, 1881. Т. 1. С. 8.

¹³ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1417, д. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1 об.

«арлекина», часто сопровождал императрицу в путешествиях. Екатерина ценила его веселый, общительный характер, остроумие, умение быть интересным собеседником¹⁵. Вероятно, положение Л. А. Нарышкина в придворном кругу, его близость императорскому дому были бесполезны для саратовского дворянства. В Балашовском уезде Саратовской губернии Л. А. Нарышкин унаследовал земли своего отца А. Л. Нарышкина – «Львовича» (1694–1745), любимого двоюродного брата Петра I. Центр имения располагался в живописном месте на реке Хопер в селе Пады¹⁶. Среди первых губернских предводителей дворянства встречаем княжескую фамилию Я. Ф. Кугушева, крупного помещика Саратовской губернии.

Выборные должности носили земский характер. Это, как считает М. Яблочков, делало выборы дворянства «весьма важным и не лишённым интереса для других сословий» делом, так как «приходилось всем иметь близкие отношения с земской полицией, уездным судом и верхним земским судом; по рекрутскому набору и другим земским делам необходимо было обращаться к уездным предводителям дворянства»¹⁷. В документах сохранились фамилии первых предводителей дворянства по округам. Так, по Саратовскому округу в 1781 г предводителем был избран Н. А. Шахматов. Эта фамилия хорошо известна в истории Саратовского края. Шахматовы были провинциальными дворянами, в течение длительного времени связанными с Саратовом. В Государственном архиве Саратовской области имеется личный фонд Шахматовых, частично изученный Е. Н. Кушевой¹⁸.

Предводителем балашовского дворянства стал Я. Т. Граковский, а камышинского – секунд-майор П. Ф. Барановский¹⁹. Как отмечает А. Романович-Славатинский, «...первые выборы были самые лучшие. Тогда не успели еще рассмотреть всех последствий, и намерения монархини произвели всеобщий энтузиазм к добру, но скоро сей жар простыл, и дворянство стало отлынивать от местной выборной службы»²⁰. Сохранились подробные сведения о том, как прово-

---

¹⁵ См.: Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий в России. СПб., 2000. С. 138–139; Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 90–92.

¹⁶ РГАДА, ф. 1272.

¹⁷ Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 550.

¹⁸ См.: Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. М., 1929.

¹⁹ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 583, л. 29.

²⁰ Романович-Славатинский А. Указ. соч. С. 491.

дилось дворянское собрание в Саратове спустя пятнадцать лет после открытия наместничества.

15 декабря 1795 г. в Саратов съезжалось дворянское общество. Губернский предводитель дворянства секунд-майор князь Я. Ф. Кугушев подал списки прибывших дворян правителю наместничества В. С. Ланскому. При этом от каждого уезда губернатору были представлены по одному молодому дворянину, назначенному специально «для почестей». Губернатор отдал распоряжение: шестнадцатого декабря «быть собранию дворянства в большом зале генерал-губернаторского дома». Народ оповестили через полицию на площадях и по улицам, что начинаются выборы судей. Это событие должно было быть ознаменовано тремя выстрелами из пушки. Наутро по первому пушечному сигналу все дворянство собралось в доме генерал-губернатора. Получив письменное сообщение о причине собрания, а также приняв присягу, дворянство возвратилось в зал заседания. Через час по второму пушечному сигналу в соборной церкви началась торжественная служба. После третьего выстрела в десять часов утра губернский предводитель дворянства повел все собрание к божественной литургии, окончившейся пушечной пальбой из тридцати одного орудия. По существу, работа началась лишь на третий день, 17 декабря. В зале заседаний дворянского собрания были расставлены стулья: у главного стола – для губернского предводителя, для дворян каждого уезда – отдельно. Между ними стояли столы, на каждом – ящик для баллотировки и по две тарелки с шарами. Уездные предводители и специальные протоколисты заняли место у стола перед дворянами своего уезда. Началась баллотировка. Сначала выбрали уездных предводителей – по одному человеку от каждого уезда. Затем губернский предводитель представил их губернатору для утверждения. Для выборов губернского предводителя правителю наместничества представили две кандидатуры из вновь избранных уездных предводителей. Губернатор выбрал из них губернского предводителя дворянства. Им оказался крупный балашовский помещик, секунд-майор С. А. Норов. Бывшие губернский и уездные предводители, «получив признательность за труды и служение в сем звании», сложили с себя полномочия.

На следующий день, 18 декабря, с новыми губернским и уездными предводителями были произведены выборы по городам: в уездные суды, нижние земские суды, верхний земский и совестный суд. 19 декабря всех вновь избранных судей привели к присяге в соборе. Уездные предводители с судьями отправились в свои города, чтобы в уездных и нижних земских судах и дворянских опеках открыть за-

седание. Таким образом, церемония дворянского собрания, продолжавшаяся четыре дня, завершилась²¹.

Уже в 1795 г. в Саратов из 338 человек явилось на выборы лишь 146 человек²², что составляло 43%. Значение дворянских собраний и выборов в присутственные места постепенно падало. Причины этому могли быть следующие. Всем дворянам на выборных должностях полагалось денежное содержание. Оно было не очень большим и для крупнопоместного дворянства значения не имело. Служба по выборам тяготила дворян, отрывая от семьи, от хозяйства и вообще от занятий, доставлявших им материальные выгоды. Среди фамилий губернских предводителей дворянства (должности престижной) отсутствуют представители крупнейших землевладельцев края, таких, как князя М. С. Воронцов, С. Г. Гагарин, А. Б. Куракин или графы К. В. Нессельроде, Д. Н. Шереметев и др. Судя по документам, многие оставались равнодушны к выборам.

Местная дворянская служба превратилась для дворян в такое же «тягло», какое лежало на них до манифеста 18 февраля 1762 года. Для того чтобы поднять значение дворянских выборов и привлечь к участию в них знатное дворянство, в 1831 г. был повышен ценз, устранивший мелкое дворянство от непосредственного избрания. Вместе с тем закон 1831 г. прямо называл участие дворян в собраниях их обязанностью и налагал взыскание за неявку на выборы. На первый раз делалось замечание, на второй раз накладывалась пеня в пользу дворянской казны от 25 до 250 руб., в третий раз могли исключить из дворянского собрания на время. Несмотря на это, дворяне продолжали уклоняться от выборов. Первого января 1832 г. Николай I предписал губернским предводителям дворянства обращать внимание на то, чтобы на службу по выборам избирались люди способные и достойные. Позже, в 1843 г., им же вновь строжайше предписывалось соблюдать ранее установленные нормы 1831 г. Однако большинству дворян было совсем не трудно заплатить штраф, пусть даже в 250 руб., но зато они не лишались шумных увеселений сезона столицы. В результате в должности по выборам попадали те, кто не мог изыскать средства, чтобы присутствовать зимой в столице, или вовсе не способные к службе, не имея ничего лучшего, они получали должности в присутственных местах.

Обособленность дворянского сословия, принадлежность к тому или другому губернскому дворянскому обществу выразились в особой униформе. В 1782 г. Екатерина II повелела генерал-прокурору написать ко всем генерал-губернаторам, что для платья дворянства

---

²¹ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 83, л. 46–48 об.

²² Там же. Л. 57.

обоего пола в каждой губернии присвоены особые цвета²³. В 1784 г. уже более точно определены мундиры дворян и служащих каждой губернии. Империя была разделена на три полосы. Для каждой назначались особые цвета одежды, связанные с гербами губерний²⁴.

Саратовское наместничество было отнесено к средней полосе. Дворянству полагалось носить красный кафтан со светло-голубыми (в тон саратовскому гербу) обшлагами, воротником, подбоем и камзолом с желтыми пуговицами. Для сравнения: Санкт-Петербургскому дворянству предписывалось носить кафтан светло-синего сукна с лацканами, воротником и обшлагами из черного бархата. Подбой должен быть черным, камзол белым с желтыми пуговицами. В Московской губернии средней полосы мундир дворян состоял из красного кафтана с воротником и обшлагами железного цвета. Подкладка и камзол были белые, пуговицы золотые. Красочные изображения губернских дворянских мундиров удалось обнаружить в отделе редких книг в Государственной публичной исторической библиотеке России²⁵. Дворянскому мундиру были присвоены большие права: все дворянство, не исключая унтер-офицеров гвардии, имело право бывать в этом наряде на придворных балах. Цель дворянской униформы состояла и в предупреждении роскоши. «Губернским мундирам рады отцы да мужья», – говорила Екатерина II.

Местом «общественных увеселений» губернского дворянства был дом дворянского собрания. В. Беккер, посетивший Саратов в 1842 г., отмечал, что залы там «обширны и отделаны щегольски»²⁶. Вероятно, именно это здание украшало город Саратов вплоть до 70-х гг. XX века. Построено оно было не сразу. Согласно Жалованной грамоты дворянству в каждом наместничестве в губернском городе собранию дворянства дозволялось иметь свой дом.

Первые дворянские собрания, как отмечалось выше, проводились в доме губернатора. Спустя некоторое время саратовские дворяне стали собираться в особом доме на Московской улице. Он был приобретен в 1804 г. за 24 425 руб. у тайного советника Ивана Петровича Вешнякова с дочерьми (среди них в документе названа коллежская асессорша Александра Устинова). Средний этаж отвели для общественных публичных увеселений и балов. Для освещения зала было специально куплено у московского купца Якова Иванова 2 люстры.

---

²³ ПСЗ-1. Т. 21. № 15557.

²⁴ См.: Плещеев С. И. Обозрение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. 3-е изд. СПб., 1790. С. 141.

²⁵ Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров.

²⁶ Беккер В. Воспоминания о Саратовской губернии. М., 1852. С. 12.

В присутственном благородном собрании висел портрет государя-императора Александра I. После столь дорогого приобретения дворянская казна оказалась пуста, не хватало денег даже на то, чтобы выплатить Вешняковым сумму сполна, и деньги отдавались в рассрочку. Известно, что в конце 1805 г. каменный дом, принадлежавший саратовскому дворянству, «взял по условию» коллежский асессор Михаил Андриянович Устинов и отдал его «в залог попитейным сборам вольскому именитому гражданину Василию Алексеевичу Злобину», который тут же внес в казну благородного дворянства 1000 рублей²⁷.

Известно, что портрет государя-императора Александра I в присутственном благородном собрании Саратовской губернии существовал с 1804 г. Вероятно, и само здание появилось не позднее. Нашлись ли там ранее портреты предшественников – Екатерины II и Павла I, неизвестно. В 1822 г. губернский предводитель дворянства А. А. Панчулидзеv приглашал всех дворян принять участие в приобретении нового портрета государя императора «в превосходной золоченой раме» и выражал надежду, что «каждый с удовольствием пожертвует». Вероятно, дворянская казна пустела и пополнялась довольно быстро. С каждой крестьянской души помещики платили по 30 коп. в «складочную кассу» дворянского собрания²⁸

Рядом с каменным домом дворянского собрания в начале XIX в. находился ветхий деревянный флигель, который хотел выкупить в 1806 г. оператор саратовской врачебной управы Д. Гринфельд, живущий по-соседству. Но выяснилось, что флигель состоял в залоге²⁹. На постройку каменного флигеля при дворянском доме с помещичьих имений губернии собирались деньги. Дворяне жертвовали по 11 коп. с крестьянской души. Строительство затягивалось, стали раздаваться робкие замечания, что «деньги уже взысканы», что по силе высочайшего указа от 14 июня 1816 года «отнесены к повинностям помещичьих крестьян только починка, отопление и освещение домов депутатских собраний, где такие существуют», а не строительство новых³⁰. Вероятно, деньги дворянство жертвовало «под нажимом». Наконец, в 1830 г. принадлежащий дворянскому собранию каменный дом, пришедший в ветхое состояние, был вновь перестроен из собранной с дворянских имений суммы. Дома дворянских собраний по уездам появились значительно позже. Например, в Воль-

---

²⁷ ГАСО, ф. 19, оп. 3, д. 7, л. 136, 180, 340.

²⁸ Там же, ф. 19, оп. 3, л. 73 об.; ф. 179, оп. 1, д. 188. л. 2.

²⁹ Там же. Д. 12, л. 1, 2, 26.

³⁰ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 1813, л. 1 об.

ске, Петровске и Камышине губернатор разрешил открыть благородные собрания в 1858 году³¹.

Таким образом, процесс организации и оформления дворянского общества Саратовской губернии, начавшийся в последние десятилетия XVIII в., продолжался на местах в первой половине XIX в. на основе тщательной правительственной регламентации всей структуры сословных органов. Законодательство по этим вопросам постоянно уточнялось и дополнялось. Дворянские собрания, выборы уездных и губернских предводителей, особый мундир дворянства, строительство зданий для времяпрепровождения – все это говорит о стремлении саратовского дворянства отделиться от представителей других сословий, о корпоративности дворянского общества.

---

³¹ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1410, л. 1–12.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И МЕНТАЛИТЕТ КРЕСТЬЯНСТВА
В БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ XIX века
(судьба семьи саратовской крестьянки П. И. Ерыкалиной)

Формирование, проявление и закрепление определенных черт сознания этноса – предмет исследования различных специалистов: историков, этнологов, психологов и др. Только комплексное исследование этого сложного социально-исторического явления позволяет ответить на вопрос: каким образом в обществе закрепляется та или иная система взглядов, дающая человеку модель видения мира, способа постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться. Данная система несет в себе культурные традиции и модель поведения человека и общества в том или ином конкретном случае. Это сложное комплексное явление названо в исторической науке менталитетом¹. Складыванию определенных ментальных стереотипов способствует ряд факторов, главные из которых – природно-климатический² и временной. Природно-климатический фактор не поддается времени и закладывает глубинные основы ментальности. Под его воздействием сформировались, например, такие черты русского национального характера, как упорство, максимализм и штурмовщина. Временной фактор ведет к отбору и закреплению отдельных черт, а также вносит элемент противоречивости, изменчивости, так как с течением времени меняются исторические условия и жизненные ситуации, в которых те или иные общественные стереотипы перестают действовать.

Важнейшим условием формирования менталитета российского общества в целом являлось крепостное право, которое господствовало в жизни всех сословий два с половиной столетия и, несомненно, наложило отпечаток на все без исключения явления российской действительности. В значительной степени крепостное сознание повлияло на правовой менталитет россиян. У каждого из сословий выработался свой стереотип поведения в отношении к праву, судам и законам.

Наиболее бесправным и угнетаемым сословием в России было крестьянство. Это отразилось на выработке его ментальных стереотипов правосознания.

---

¹ См.: Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX–XX вв.) / Под ред. В. П. Данилова и Л. В. Милова. М., 1996.

² См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 568–571.

Ярче всего правовые стереотипы крестьянства отразились в поговорах и пословицах: «Закон – дышло, куда хочешь, туда и воротишь», «Закон не кол, не обтешешь», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Законы святы, да законники супостаты», «С сильным не борись, с богатым не тяжись», «С суда – не деньги, а с потравы – не хлеб», «Суд крив, коли судья лжив», «Суд правду найдет», «Суд прямой, да судья кривой», «Судейский карман – что утиный зоб: и корму не разбирает, и сытости не знает», «Судья праведный – ограда каменная», «Судья суди, а за судьей гляди, куда дело поведет», «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Тот прав, у кого больше прав», «Что мне законы, коли судья знакомый»³ и др. Таким образом, большая часть поговорок выражает отрицательное отношение крестьянства к системе судопроизводства в целом.

Под воздействием крепостничества сформировались правовые взгляды общества, где крестьянин выступал не как самостоятельная личность, а как объект опеки государства и помещика⁴. Вся правовая система Российской империи была построена на укоренившемся представлении о несамостоятельности и безынициативности крестьян как субъектов права. Некоторая правовая инициатива и самостоятельность признавалась лишь за крестьянской общиной. Сам же крестьянин был обезличен и должен был подчиняться общественному мнению. Это так же отражено в народном сознании: «Мир – волна: что один, то и все», «Мир не перетянешь», «С миром не поспоришь», «Что миром положено, так тому и быть», «Как мир, так и мы»⁵.

В русской общине установились отношения патриархальной демократии, которая существовала только для глав хозяйств, предполагая безусловное подчинение им женщин и детей, молодежи и мужчин, которые не были большаками, она сочеталась с поклонением перед стариной, с негативным отношением к инакомыслию, личной свободе, к социальным нововведениям, инициативе и вообще ко всякому отклоняющемуся поведению⁶.

В данном правовом пространстве интерес представляет судьба человека, пытающегося выйти за рамки, установленные обществом. В этом случае показательным делом саратовской крестьянки Прасковьи

---

³ См.: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М., 1988.

⁴ См.: Кузьмин-Караваев В. Д. Правовые нужды деревни // Кузьмин-Караваев В. Д. Земство и деревня. СПб., 1904. С. 340.

⁵ См.: Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М., 1988.

⁶ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 447.

Ивановны Ерыкалиной из фонда «Губернского по крестьянским делам присутствия» Государственного архива Саратовской области, позволяющее на примере конкретной жизненной ситуации рассмотреть и традиционные устои общества, и правовые нормы государства, и пути решения сложной социальной проблемы в рамках российской бюрократической системы⁷.

В отечественной историографии немного место уделяется судьбам женщин-крестьянок. И это вполне объяснимо: безграмотная, бесправная, обремененная семьей и тяжелой работой, она не писала воспоминаний, писем и дневников.

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться...»⁸

Эти строки из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный Нос» как нельзя более отражают конкретную судьбу нашей героини – крестьянки села Лопуховка Хвалынского уезда помещика Горихвостова П. И. Ерыкалиной. Дело привлекает к себе внимание длительным сроком производства: начато 24 декабря 1834 г., закрыто 1 октября 1861 г. Вновь продолжено до марта 1863 г. 25 лет жизни связывали П. И. Ерыкалину с официальными инстанциями Российской империи – от земских и уездных управ до саратовского губернатора и правительствующего Сената. 25 лет жизни наполнены борьбой за восстановление своего социального статуса – государственной крестьянки и распространения его на всю семью, включая мужа и детей. Длительность решения жизненно важного для женщины вопроса объясняется не только волокитой судопроизводства, но и крайней запутанностью и многоэтапностью данного дела. В нем нашли выражение и низкий уровень правового сознания крестьянства, которое не вполне соответствовало действовавшему в России законодательству и носило следы обычного права⁹, и нежелание чиновников разобраться и справедливо решить правовые и житейские проблемы.

Материалы дела отражают биографию крестьянки, жившей накануне Великих реформ и попавшей в связи с этим в крайне сложную

---

⁷ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108.

⁸ Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 77.

⁹ Волокита – качество, присущее российской системе. Средняя скорость прохождения гражданских дел через инстанции равнялось 2 – 2,5 годам. Данное дело может входить в 1% нерешенных дел возрастом свыше 15 лет, о которых говорит Б. Н. Миронов (см.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 60–61).

правовую ситуацию. Основанием для дела явились неординарные обстоятельства вступления в брак П. И. Ерыкалиной.

П. И. Ерыкалина была дочерью государственного крестьянина с. Шалкино Хвалынского уезда Ивана Степанова. Летом 1815 г. она была послана отцом в поле за земляникой, откуда была увезена крестьянами Вольского уезда и насильно отдана в замужество за крепостного крестьянина Максима Ерыкалина. Брак был заключен противозаконно, без оглашения в церкви, тайно, ночью, без справки о возрасте невесты, которой было в 1815 г. 14 лет. Какое-то время, видимо, брак не фиксировался в церковных книгах, так как из материалов дела видно, что заключение брака записано 7 июля 1817 г. со справкой о возрасте невесты 16 лет¹⁰. Из показаний священника явствует, что брак был заключен с согласия невесты.

Насильственное заключение браков было частым явлением российской действительности, и общество смотрело на это сквозь пальцы. Более того, для крестьян такая брачная модель в начале XIX в. была почти нормой. Требовалось лишь формальное согласие невесты, которое она давала в церкви под давлением родителей и с молчаливого согласия священника¹¹. В данном случае, видимо, согласие девушки и ее родителей вообще не спрашивали.

Отец Прасковьи Ивановны предпринимал усилия для поиска пропавшей дочери, но официальных бумаг по надлежащей форме составлено не было, что и отмечено в деле. Однако пропавшая дочь была найдена через хвалынский земский суд. К тому времени она была уже замужем и вотчинная администрация помещика Горихвостова уговорила отца не подавать заявления в суд, объясняя это тем, что помещик уже стар, родственников не имеет и после его смерти все крестьяне получают свободу. Таким образом, сословный статус дочери будет восстановлен сам по себе. Кроме того, дело требовало хождения по присутственным местам, денежных трат, оформления бумаг. Все это, по-видимому, и остановило отца крестьянки, который не стал подавать жалобу в суд и отнес случившееся с его доче-

---

¹⁰ ГАСО, ф. 22, оп. 1, л. 1, 2, 20б., 4.

¹¹ О положении женщины в крестьянской семье см.: *Покровский Ф. И.* О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // *Живая старина*. СПб., 1916. Вып. III и IV; *Шингарев А. И.* Положение женщины в крестьянской среде. Воронеж, 1899; *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – нач. XX вв. Л., 1988; *Миронов Б. Н.* Указ. соч. Т. 1.

рию «к судьбе и воле Божией»¹². Поведение отца вполне объяснимо. Исследователи социальной психологии отмечают «мистический страх крестьян перед официальной бумагой и печатью»¹³.

На какое-то время, видимо, ситуация вокруг этого дела стабилизировалась. В семье родилось пятеро детей – два сына и три дочери¹⁴. Но, по утверждению, П. И. Ерыкалиной, гнет и притеснения вотчинного начальства усиливались, и она обратилась в суд с иском против помещика «о не принадлежности ему»¹⁵.

Поведение крестьянки, выходящее за рамки обычая и воспринимавшееся местным начальством и крестьянской общиной как публичный вызов обществу, не сочеталось с морально-этическими нормами российской деревни, жившей традиционным укладом. П. И. Ерыкалина являет собой пример непримиримой и самостоятельной натуры, которая ради достижения цели упорно идет вперед¹⁶. Она посылает жалобы в земское присутствие, губернатору, ее прошения с подробным изложением сути и обстоятельств дела рассматривались в правительствующем Сенате (1829)¹⁷.

Несколько лет длилось дознание по этому делу в обществах села Лопуховка Вольского уезда, где священник сумел доказать законность совершенного бракосочетания, и села Шалкино Хвалынского уезда, где вопросы следствия, видимо, ставились так, что родные – мать, отец и два брата потерпевшей, а также 23 жителя села ответили, что не знали о насильственном увозе потерпевшей и выдаче ее в замужество. Характеризуя поведение «мира» в случаях разбирательства судебных дел, земский деятель XIX в. В. Д. Кузьмин-Караваев писал: «Низшее деревенское начальство – десятские, сотские, старосты – в своей простоте нередко доходят до цинизма. Поклон, угощение, рубль денег, а то и несколько копеек имеют зачастую решающее значение, проступок остается не обнаруженным, распоряжение и даже судебное решение не приведенным в исполнение. Не лучше поступает мир: поставь ведро вина, накинем полдуши надела, не поставишь – снимем. И бороться с таким требованием, оставаясь на почве закона – не возможно...Право жалобы, по

---

¹² ГАСО, ф. 22, оп. 1, л. 7 об., 21.

¹³ Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 271.

¹⁴ ГАСО, ф. 22, оп. 1, л. 4, 4об.

¹⁵ Там же, л. 10.

¹⁶ Такая активность российской крестьянки формировалась в семье, где она чувствовала свою имущественную самостоятельность и стремилась к самостоятельности социальной, пытаясь получить определенные юридические права. Подробнее см.: Матвеев П. А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Черный перелом / Сост. Астанков Ю. В. Самара, 1992. С. 28–32.

¹⁷ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108, л. 10б.

закону, существует. В формулах закона оно выражено с устраняющей всякие сомнения определенностью. Действительность, однако, резко с этими формулами расходится»¹⁸. Помимо этого свидетельства, следует учитывать, по словам С. Авелиани, особенность психологии крестьян, которые «решительно отказывались от дачи каких-либо письменных удостоверений или расписок»¹⁹.

Таким образом, пытаясь получить свободу, крестьянка нарушала общепринятые нормы поведения женщины и становилась личностью социально опасной, от которой и община и сельская бюрократия стремились избавиться. П. И. Ерыкалину вместе с семьей до решения дела насильственно выселили из села Лопуховка и отдали на поручительство хвалынского городского общества мещан, где она и прожила более 25 лет. А дело ее о свободе вплоть до 1861 г. так и оставалось не решенным. Дело тянулось очень медленно. В ноябре 1836 г. в земском суде П. И. Ерыкалиной вручили решение Сената об отказе ей и ее семье в иске свободы, но имелась оговорка, по которой Ерыкалина лично одна, в силу ст. 565 IX тома Свода законов Российской империи, может воспользоваться свободой после смерти мужа. Такой вариант истицу не устраивал²⁰.

Прасковья Ивановна, на наш взгляд, являлась продуктом своего времени и руководствовалась принципом поиска правды не в «законе», а у начальника, который «все может». Вера во всемогущество органов власти составляла любопытное явление русской деревни²¹.

Существующее в течение XIX в. положение позволило земским деятелям в начале XX в. говорить о правовом произволе, царящем в деревне²². Нам же правовая ситуация XIX в. и поиск правды не в законе, а у конкретного человека представляется частью правового менталитета российского общества в целом.

Проживание семьи Ерыкалиных в городе Хвалынске затянулось. В 1845 г. умер муж Прасковьи Ивановны, и она возглавила семью. За это время семья приобрела дом в городе Хвалынске, сыновья обучились плотницкому ремеслу²³.

Возможно, семья крестьянки так и прожила бы в Хвалынске на правах поручительства, но Манифест 1861 г. и последующие правительственные указы заставили крестьянку вновь обращаться с

---

¹⁸ Кузьмин-Караваев В. Д. Указ соч. С. 356–357.

¹⁹ Авелиани С. Волнения крестьян в царствование императора Александра I. Сергиев Посад, 1912. С. 56.

²⁰ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108, л. 1, 4, 7, 8.

²¹ Кузьмин-Караваев В. Д. Указ соч. С. 355–356.

²² Там же. С. 352. См. также журн. «Право» за 1902–1903 гг., где данная тема широко дискутировалась.

²³ ГАСО, ф. 22, оп. 1, д. 108, л. 1, 10.

просьбами в судебные учреждения. Получив долгожданную свободу, семья потеряла свой социальный статус: по закону, сыновья П. И. Ерыкалиной – Михаил и Константин получали землю в селе Лопуховка Вольского уезда и должны были платить выкупные платежи, а так как земля им была не нужна и в Лопуховку семья возвращаться не собиралась, то Ерыкалина обратилась к саратовскому губернатору с просьбой о получении ее семейству свидетельства на проживание в городе Хвалынске и о приписке его к обществу хвалынских мещан, объясняя, что на ранее поданное прошение она получила отказ.

Новый толчок дело получило после выяснения того обстоятельства, что в списках села Лопуховки П. И. Ерыкалина с сыновьями с 1830 г. числились сбежавшими, а по 9–10 ревизиям они не были показаны. Как посчитала Ерыкалина, это было сделано намеренно, так как администрация знала о ее пребывании в Хвалынске²⁴. Таким образом, получать увольнительное свидетельство семье Ерыкалиной стало негде. Пришлось идти другим путем. По закону о беглых крестьянах Ерыкалина и ее сыновья должны были доказать, что постоянно проживали в г. Хвалынске и от закона и владельца не скрывались. Было проведено дознание вольского пристава по этому поводу. Дознание показало верность сведений П. И. Ерыкалиной. В качестве свидетелей выступали купеческий сын Петр Емельянович Павлычев и мещанин Герасим Иванович Мантузов с семьей²⁵.

Последним этапом дела стала временная приписка П. И. Ерыкалиной с семейством к любому обществу, желавшему ее принять. Через 6 месяцев необходимо было внести Ерыкалину и ее сыновей в ревизские сказки²⁶, а затем Прасковья Ивановна и ее сыновья могли быть приписаны к обществу хвалынских мещан²⁷. Дело должно было закончиться в конце 1863 г. Таким образом, семья обрела долгожданную свободу.

П. И. Ерыкалина явила собой новый тип личности – активной, самостоятельной и настойчивой. О таких людях, как она, известный своими либеральными взглядами профессор Московского и Петербургского университетов К. Д. Кавелин писал: «Замечаются отступления от традиционного мировоззрения, и мы здесь и там видим

---

²⁴ ГАСО, л. 1, 10.

²⁵ Там же, л. 12–16.

²⁶ По-видимому, государственные чиновники еще не знали, что больше ревизии проводиться не будут.

²⁷ Там же. Л. 19, 20, 20 об.

признаки нарождения другого, признающего участие человека в собственной судьбе»²⁸.

Вступив в конфликт с государственной системой, церковью, миром, П. И. Ерыкалина сумела не сломаться и оказаться сильнее обстоятельств. Более того, она нашла ту нишу в бюрократической системе Российской империи, которая позволила ей и ее семейству освободиться от власти помещика и местной бюрократии и найти в себе силы для кардинальной перемены своей судьбы. Подобного рода общественные явления, как случай с П. И. Ерыкалиной, предвосхитили изменения в менталитете русских крестьян и горожан XIX в., где, по мнению Дж. Брукса, такие категории, как свобода и порядок, рассматривались как альтернативные²⁹.

Наша героиня в своей борьбе легитимными методами смогла получить свободу и не нарушить правового порядка. Судьба П. И. Ерыкалиной отражает сложность формирования нового отношения государства и общества к крестьянину. Тем более уникальным является случай отстаивания своих прав женщиной-крестьянкой, существом абсолютно бесправным в традиционном обществе.

Этот случай показывает, что существовала возможность пробить брешь в несовершенной системе российского судопроизводства. Такие дела способствовали переходу общества к новой стадии развития и формированию нового правосознания и изменению личных качеств российского крестьянства.

---

²⁸ Кавелин К. Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1897, 1898. Т. 2. Стб. 540.

²⁹ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature 1861–1917. Princeton, 1985. P. 171–210.

САРАТОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ: ОБРЕТЕНИЕ И УТРАТА ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Революционный 1917 год стал переломным для России. С одной стороны, быстрое падение царской власти в центре и на местах показало глубочайшую пропасть во взаимоотношениях царя и подданных, неприятие самодержавия как политического строя различными слоями общества. С другой стороны, взрыв народного негодования примирил временно различные идейно-политические течения в обществе. В результате возникло единение политических сил в первые месяцы революции.

Известно, что после свержения самодержавия общественно-политическая ситуация в стране определялась наличием двоевластия в центре. В Петрограде образовались Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство. Это сказывалось на расстановке политических сил в стране и в целом на раскладе политических сил в органах власти. В то же время региональная власть не являлась простой копией центральной власти. Если говорить о советах, то можно видеть наличие образовавшейся впоследствии вертикали, начиная с низовых Советов и кончая всероссийскими. Но, если говорить о другой ветви власти, то видно, что «временных правительств» на местах не существовало. К тому же Временное правительство трансформировалось вскоре в первое коалиционное. Институт губернских комиссаров, введенный 5 марта правительством, не мог в полной мере компенсировать отсутствие другой вертикали власти снизу доверху. Поэтому ситуация с властью на местах должна была складываться иначе.

В немалой степени состояние власти определялось деятельностью политических партий. Участие представителей политических партий в Советах, органах местного управления и самоуправления, различных демократических организациях напрямую зависело от понимания ими основных вопросов революции.

В исследованиях историков вопрос о власти на местах после свержения монархии рассматривается как в плоскости двоевластия, так и в направлении установления многовластия. Особое внимание уделяется общественным (временным) исполнительным комитетам, возникшим в первые дни революции 1917 г. Вначале о них писали как об органах буржуазной диктатуры. Затем они характеризовались как местные органы Временного правительства, которые выражали сущность мелкобуржуазного лагеря. Демократические процессы в

современной России накладывают свой отпечаток на оценку этих учреждений, их трактуют уже как «первые акты народовластия».

Вместе с тем ряд аспектов, связанных с возникновением исполнительных комитетов на местах, еще не получил полного освещения на местном уровне. Это относится, в частности, к образованию Саратовского губернского исполнительного комитета. В работах отечественных и зарубежных авторов его образование недостаточно четко прослеживается. Не игнорируя уже имеющихся данных, попытаемся рассмотреть процесс образования Саратовского губернского исполнительного комитета и уточним некоторые детали существования этого органа управления.

1 марта в Саратове была получена телеграмма В. В. Родзянко об образовании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы, которому переходили полномочия старого правительства. Первая реакция царских властей на местах выражалась попытками приостановить поступающую информацию. Но слухи о событиях в Петрограде распространялись и подкреплялись публикациями столичных телеграмм местными газетами. Днем губернатор С. Д. Тверской вызвал к себе представителей местных органов самоуправления и сообщил о содержании полученной им телеграммы. Он попросил их повлиять на возможную реакцию населения, добавив, что будет исполнять свой долг и держаться старого правительства. О преданности присяге на верность государю губернатор заявил и на частном совещании гласных городской думы¹. Конечно, можно было чинно произносить речь перед гласными, подобающую губернатору, но нельзя было в такой напряженный момент заставить всех сидеть по домам. Вечером наблюдалось стечение населения к городской управе, где должно было открыться заседание думы с участием общественных организаций. Помещение городской управы оказалось переполненным. Заседание думы проходило в постоянном обмене мнениями. Речь шла о признании Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы и создании аналогичного органа в Саратове. Однако выборы в новый орган перенесли на следующий день.

Днем 2 марта образовался общественный комитет в городе, который приступил к консультациям с политическими силами: кадеты А. А. Токарский и С. П. Красников, народные социалисты А. С. Чумевский и Н. Н. Мясоедов, меньшевик Д. А. Топуридзе². Он начал свои заседания в городской управе, куда приглашались представители общественных организаций, различных ведомств и учрежде-

---

¹ Саратовский листок. 1917. 2 марта.

² Там же, 3 марта.

ний, губернского и уездного земства и т. д. Усилия комитета дали положительный результат.

Поздним вечером городская дума утвердила представленный состав временного исполнительного комитета. По должности в состав нового органа управления вошли городской глава М. Ф. Волков, председатели губернской и уездной земских управ. Гласных городской думы представляли Б. Х. Медведев, Ю. В. Крупянский, А. Е. Романов, С. П. Красников, М. К. Скачков. Интересы общественных организаций выражали А. А. Токарский, Н. И. Семенов, А. А. Никонов, Г. Андреев, М. П. Овчинников. Совет рабочих депутатов представляли В. П. Милютин, Н. Н. Мясоедов, М. И. Васильев-Южин, И. А. Скворцов, П. Я. Колесников³. Общая численность Саратовского временного (общественного) исполнительного комитета (ОИК) составила 18 человек. В партийном отношении состав ОИК был представлен следующим образом: 7 кадетов, 4 народных социалиста, 2 меньшевика и 2 большевика.

Начало самостоятельной деятельности Саратовского ОИК требует некоторого уточнения. В работе американского историка Д. Рейли говорится, что 5 марта ОИК объявил себя органом власти в губернии. Кадет А. А. Токарский стал его председателем⁴. Первое заседание ОИК прошло 4 марта, а его председателем стал кадет С. П. Красников⁵. Ответственным перед ОИК комиссаром назначили народного социалиста Н. И. Семенова, а полицмейстером по городу – кадета А. А. Минха⁶. Саратовский ОИК предписал всем лицам и учреждениям аппарата управления города и губернии подчиняться его распоряжениям, а также властям, действующим от его имени⁷.

Вопрос о переподчинении губернского аппарата управления в Саратове был важнейшим. 3 марта стало известно об отречении российского самодержца от престола, что стало исходным моментом для ареста представителей царской власти на местах.

По решению ОИК они доставлялись в думу, после чего ОИК был вынужден поставить под свой контроль аппарат губернского управления, это и было сделано, как видно, на первом заседании 4 марта. О своих действиях ОИК доложил Временному правительству. В телеграмме на имя министра внутренних дел сообщалось: «Государственная безопасность потребовала от Комитета ареста губернатора, полицмейстера, всех чинов жандармерии и многих лиц. Все функ-

---

³ Саратовский листок. 1917. 3 марта.

⁴ См.: Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 74.

⁵ ГАСО, ф. 13, д. 13, оп. 1, л. 84; Саратовский листок. 1917. 5 марта.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. 13, д. 13, оп. 1, л. 84; Саратовский листок. 1917. 5 марта..

ции губернатора в руках Комитета... Комиссаром, заведующим губернией, избран Н. И. Семенов...»⁸. Решение ОИК об избрании губернского комиссара не только опережало постановление Временного правительства от 5 марта 1917 года, согласно которому обязанности глав местной администрации возлагались на председателей губернских и уездных земских управ, получивших ранг комиссаров Временного правительства, но и противоречило ему. Во исполнение постановления правительства в должность губернского комиссара был обязан вступить К. Н. Гримм – председатель губернской земской управы. Однако он отказался, что облегчило утверждение кандидатуры Н. И. Семенова в ранге комиссара Временного правительства. Вскоре из столицы пришла телеграмма о назначении «Николая Ивановича Семенова губернским комиссаром правительства»⁹. В сущности, Временное правительство «узаконивало» практику первых дней русской революции, когда общественное мнение поднимало на вершину власти лиц, не связанных с прежними структурами управления на местах.

8 марта в кафедральном соборе Саратова при большом стечении народа состоялось оглашение царских манифестов об отречении от престола. На церемонии присутствовали представители городского духовенства, временного исполнительного комитета, губернского земства и городской думы, окружного суда и прокуратуры, начальник гарнизона¹⁰. Среди членов ОИК первым значился С. П. Красников в качестве «заступающего место председателя временного исполнительного общественного комитета»¹¹. Кадет А. А. Токарский в числе участников церемонии не значился.

Вслед за Саратовом органы местного управления образовывались по всей губернии. Таким образом, политическая карта Саратовской губернии была «усеяна» разными общественными комитетами, вплоть до каждой отдельной волости. 19 марта Временное правительство признало волостные исполнительные комитеты и передало им, до осуществления земской реформы, права и обязанности волостного управления. В результате стало ощущаться отсутствие общего координирующего органа в губернии.

С 26 по 29 марта 1917 г. в Саратове проходил губернский съезд представителей городских и уездных исполнительных комитетов, на котором присутствовало свыше 120 человек¹². Саратовский ОИК на-

---

⁸ Саратовский листок. 1917. 5 марта.

⁹ Там же, 9 марта.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Саратовский. листок. 1917. 28 марта.

меревался пополнить свои ряды представителями от всех уездов и тем самым распространить власть нового органа управления на всю территорию губернии.

Съезд согласился с тем, что «исполнительные комитеты являются временными организациями, полномочия которых должны окончиться, как только местные самоуправления будут избраны на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»¹³. Съезд признал необходимым образование губернского исполнительного комитета. В его состав должны были войти по одному представителю от городского и уездного исполнительных комитетов и по два представителя от объединенных исполнительных комитетов. Кворум органа определялся 1/3 его состава. Для улучшения работы комитета из его состава выделялся рабочий президиум в количестве 9 человек¹⁴. Председателем губернского исполнительного комитета был избран кадет А. А. Токарский, а его заместителем стал меньшевик Д. А. Топуридзе.

Относительно полномочий исполнительных комитетов всех уровней следует иметь в виду, что они отвечали духу правительственной декларации от 3 марта. В ней подтверждался принцип преемственности власти. Прежние органы самоуправления на местах – думы и земства сохранялись, но их предстояло серьезно реформировать. Правительство брало на себя обязательство провести «выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»¹⁵.

Как видно, общественные исполнительные комитеты возникли как временные органы власти. Первоначально они создавались в городах, а затем – в сельской местности. В их состав входили самые различные социальные и политические силы. Временное правительство рассматривало их как возможные в будущем органы общественного самоуправления¹⁶. Они символизировали собой гражданское единство, возникшее в первые дни революции. Высшим проявлением его и явилось образование Саратовского губернского исполнительного комитета. Новый орган управления провозгласил себя «высшим органом местной власти»¹⁷. Проводником политики Временного правительства на местах становился губернский комиссар и подчиненные ему уездные комиссары.

Дальнейшая судьба губернского исполнительного комитета зависела от хода осуществления реформ городского и земского само-

---

¹³ Там же. 13 апр.

¹⁴ Там же.

¹⁵ История России, 1917–1940: Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 13.

¹⁶ См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 480.

¹⁷ Саратовские губернские ведомости. 1917. 13 апр.

управления. Выборы в органы местного самоуправления обеспечили успех социалистам, что заставляло либералов как можно крепче держаться за губернский исполнительный комитет. За ним было как бы «закреплено» право избирать губернского комиссара. Однако 25 июля обязанности губернского комиссара были возложены на меньшевика Д. А. Топуридзе. Попытки кадетов оспорить данное решение недостаточностью кворума успеха не принесли. Тогда А. А. Токарский, признав, что дни губернского исполнительного комитета окончились, сложил с себя обязанности его председателя¹⁸. Повторное же заседание членов губернского исполнительного комитета с необходимым кворумом оставило свое решение без изменения¹⁹. Временный статус Д. А. Топуридзе просуществовал более месяца, пока 6 сентября он не был утвержден правительством в своей должности²⁰.

За это время губернский исполнительный комитет превратился в аморфный орган. Новый председатель не избирался, его обязанности должен был выполнять Д. А. Топуридзе в ранге оставшегося заместителя. Работа губернского исполнительного комитета фактически прекратилась.

После корниловского выступления состояние власти в центре резко ухудшилось, так как правительственная коалиция распалась. Кадеты дискредитировали себя выходом из второго состава коалиционного правительства. В то же время влияние большевиков в Советах усиливалось. Лозунг «Вся власть Советам!» приобретал все более широкое звучание на пространствах России. Возросла реальная угроза установления диктатуры слева. Большевики и эсеры увидели спасительный выход только в проведении Всероссийского демократического совещания. В создавшейся ситуации губернский исполнительный комитет вновь напомнил о себе. 9 сентября он избрал своим представителем на совещание эсера А. Е. Васильева²¹. Большевики выразили свое удивление, считая губернский исполнительный комитет «давно уже умершим»²².

Месяц спустя тяжелый недуг постиг бывшего председателя губернского исполнительного комитета А. А. Токарского. Операция, проведенная профессором С. И. Спасокукоцким, не помогла известному общественному деятелю избавиться от продолжительной болезни²³. Не приходя в сознание, больной скончался. Лидер саратовских каде-

---

¹⁸ Саратовский листок. 1917. 5 авг.

¹⁹ Там же. 5 авг.

²⁰ См.: Саратовские губернские ведомости. 1917. 13 сент.

²¹ Там же. 16 сент.

²² Социал-демократ. 1917. 14 сент.

²³ Саратовский листок. 1917. 13 сент.

тов был похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище²⁴. Саратовский «Социал-демократ» поместил небольшую заметку на смерть А. А. Токарского. Большевики не скрывали в ней того, что он принадлежал к враждебной для них партии. При этом они подчеркивали, что «он был интеллигентом в лучшем смысле этого слова, человеком безукоризненной не только личной, но и общественной честности»²⁵.

О единении общественных сил уже не могло быть и речи. Саратовский губернский исполнительный комитет утратил полномочия временного регионального органа власти.

---

²⁴ Там же. 15 окт., 17 окт.

²⁵ Социал-демократ. 1917. 19 окт.

ИЗ ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ДЕЛЕНИЯ АТКАРСКОГО УЕЗДА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1917–1928)

Административно-территориальное деление в досоветский период предусматривало, главным образом, выполнение государственным аппаратом полицейско-фискальных функций. Советское государство поставило перед собой задачу организации системы административно-территориального устройства страны на научных основах, способствующих развитию социалистической экономики. В основу построения такой системы был положен принцип экономического районирования, который предполагал формирование административно-территориальных единиц с учетом природных, хозяйственных ресурсов и перспектив их развития; соблюдение требований национальной политики и приближение государственного аппарата к населению в целях улучшения руководства и укрепления государственной власти.

В первые годы советской власти вносились некоторые изменения в существующую досоветскую систему административно-территориального устройства страны. Из старых губерний выделялись новые, образовывались новые уезды, волости, национальные республики, автономные области, округа, перемещались уездные и волостные центры, в населенных пунктах создавались советские органы государственной власти.

Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 27 января 1918 г. разрешал местным Советам изменять границы и создавать новые административные единицы из частей губерний, уездов и волостей¹.

В Аткарском уезде, по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписей 1917 г., числилось сорок шесть волостей². По постановлениям Аткарского уездного исполнительного комитета и волостных Советов уезда в течение 1918 г. были образованы двадцать четыре новых волости³. Новые волости выделялись из существующих.

Из Богородской волости выделились Верхне-Березовская и Морецкая волости, из Варыпаевской – Марфинская, из Коленской –

---

¹ СУ. 1918. № 21. Ст. 318.

² Таблицы статистических сведений по Саратовской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписей 1917 года. Саратов, 1919. Л. 2–10.

³ ГАСО, ф. Р-456, оп. 1, д. 85, л. 22–24.

Бедняковская, из Копенской (Больше-Копенской)⁴ – Атаевская, из Краишевской – Грязнухинская и Журавская, из Невежкинской – Мало-Князевская, из Переездинской – Мерлино-Воскресенская, из Рельнской (Больше-Рельнской) – Старо-Ивановская, из Салтыковской – Безобразовская и Монастырская, из Сластушинской – Земляно-Хуторская, из Софьинской – Ключевская (Бело-Ключевская), из Таловской – Орловская, из Чадаевской – Симоновская, из Широко-Уступской – Анастасьинская, Ахтубинская, Славновская и Упоровская, из частей Больше-Екатериновской, Даниловской и Сластушинской – Лопуховская 2-я. Медведицкая волость была разделена на три волости: Гречино-Лукскую, Медведицко-Крестово-Буеракскую и Песковатскую.

В каждой новой волости создавались волостные советы и их исполнительные комитеты.

Осуществление национальной политики государства нашло свое выражение в образовании автономной области на базе немецких колоний, расположенных на территории Саратовской и Самарской губерний. Трудовая Коммуна области немцев Поволжья была образована в соответствии с декретом СНК от 19 октября 1918 года⁵. Территориальный состав и административное деление области устанавливались постановлением смешанной комиссии по оформлению территории от 5–8 марта 1919 года⁶. От Аткарского уезда в состав Трудовой Коммуны области немцев Поволжья передавались Гречино-Лукская, Медведицко-Крестово-Буеракская и Песковатская волости, которые вошли в Голо-Карамышский уезд области.

Увеличение количества и дробление волостей, многие из которых состояли только из одного населенного пункта, привели к разрастанию волостного административного аппарата и создали необходимость сокращения числа волостей.

Одним из первых регламентирующих документов, вносящим порядок в процесс изменения административно-территориального деления страны, был декрет СНК от 15 июля 1919 года⁷. По этому декрету сокращение числа волостей предполагалось проводить путем слияния мелких волостей в одну. Волость могла быть организована с количеством населения не менее 10 000 человек.

7 апреля 1920 г. при президиуме Саратовского губернского исполнительного комитета была образована административная

---

⁴ В скобках дано другое название волости.

⁵ СУ. 1918. № 79. Ст. 831.

⁶ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 128, л. 23–24.

⁷ СУ. 1919. № 36. Ст. 356.

комиссия⁸. Основной задачей комиссии была разработка проектов планов районирования губернии.

В целях выполнения декрета СНК от 15 июля 1919 г. по сокращению числа волостей Саратовской губернской административной комиссией и Аткарским уездным исполнительным комитетом были изданы постановления от 30 октября, 5 ноября 1919 г. и 30 октября 1920 г., которые определили состав волостей к ликвидации. Подлежащие упразднению волости включались в состав тех волостей, из которых они были выделены, за исключением Морецкой волости⁹. Одновременно с новыми волостями были упразднены Судачьинская, которая вошла в состав Матышевской волости, и Еланская Русская, которая вошла в состав Еланской Малороссийской волости (Еланской).

11 ноября 1922 г. Мерлино-Воскресенская волость была восстановлена в новом составе из частей Больше-Екатериновской, Переездинской и Сластушинской волостей по постановлению президиума Аткарского уездного исполнительного комитета¹⁰.

По постановлению Саратовской губернской административной комиссии от 1 февраля 1921 г. была временно упразднена Краишевская волость в связи с криминальной обстановкой на ее территории¹¹. Ее населенные пункты были распределены между Богородской, Матышевской и Терсинской волостями.

В 1921 г. территория Аткарского уезда сократилась за счет передачи вновь образованному Еланскому уезду десяти волостей: Александровской, Богородской, Волковской, Еланской, Лиходеевской, Матышевской, Морецкой, Терновской, Терсинской, Хвощинской¹².

В дальнейшем сокращение количества волостей в губернии осуществлялось за счет их укрупнения. Укрупненные волости в уезде были образованы в соответствии с декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 12 ноября 1923 г.¹³ и планом губернской административной комиссии по районированию Аткарского уезда¹⁴. Упраздненные волости распределились между оставшимися волостями в следующем порядке: Даниловская и Киселево-Чемизовская волости вошли в состав *Аткарской волости*; Больше-Ольшанская, Дивовская, Салтыковская, Таловская, Шкловская и деревня Малая Турковка Колокольцовской волости - в состав

---

⁸ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 470, л. 16.

⁹ Там же, ф. Р-456, оп. 1, д. 48, л. 132, 141; д. 348, л. 13-14; д. 667, л. 26-55.

¹⁰ Там же, ф. Р-456, оп. 1, д. 551, л. 28.

¹¹ Там же, ф. Р-456, оп. 1, д. 348, л. 18; д. 548, л. 9; д. 667, л. 26-36.

¹² СУ. 1921, № 51, Ст. 288.

¹³ Там же. 1923, № 86, Ст. 838.

¹⁴ ГАСО, ф. Р-517, оп. 1, д. 34, л. 24.

Баландинской волости; Березовская и Мерлино-Воскресенская без деревни Евфросимовка (Афросимовка), села Мерлино-Воскресенское, деревни Свищевка, деревни Эткара – в состав *Больше-Екатериновской волости*; Широко-Карамышская без села Ключи, Неужинская и Колокольцовская без деревни Малая Турковка – в состав *Больше-Копенской волости*; Широко-Уступская – в состав *Галаховской волости*; Софьинская – в состав *Коленской волости*; Варыпаевская и Сосновская – в состав *Кологривовской волости*; Дурасовская (бывшая Шереметьевская)¹⁵, Ковыловская, Лопуховская, Рельнская, Урицкая (бывшая Голицынская)¹⁶, Чадаевская и село Ключи Широко-Карамышской волости – в состав *Лысогорской волости*; деревня Евфросимовка (Афросимовка), село Мерлино-Воскресенское, деревня Свищевка и деревня Эткара Мерлино-Воскресенской волости и Переездинская – в состав *Сластушинской волости*. Больше-Дмитриевская волость Аткарского уезда включалась в состав Рыбушанской волости Саратовского уезда.

Проведенная работа по укрупнению волостей не решила всех задач экономического районирования и совершенствования административно-территориального деления. Изучение и разработка наиболее оптимальных вариантов административно-территориальных единиц были продолжены. При формировании административных единиц предполагалось учитывать прежде всего хозяйственную самостоятельность определенных территорий. Первым крупным делением территории страны намечалась область, обнимающая довольно большой район с сильным торговым и промышленным центром. Затем назывались округа и районы. Опыт районирования на Урале и Северном Кавказе оправдал себя.

Постановлениями ВЦИК от 23 июля 1928 г. и Нижне-Волжского организационного комитета от 12 июля 1928 г. устанавливался состав округов, районов и их центров по Нижне-Волжскому краю¹⁷. Территория Аткарского уезда распределилась между Балашовским (центр – город Балашов), Камышинским (центр – город Камышин) и Саратовским (центр – город Саратов) округами. *Аткарская волость* вошла в состав *Аткарского района* (центр – город Аткарск) Саратовского округа; *Баландинская волость* без Голицынского и Михайловского сельсоветов – в состав *Баландинского района* (центр

---

¹⁵ Переименована 14 мая 1921 г. с перемещением центра волости в село Дурасовка (ГАСО, ф. Р-456, оп. 1, д. 348, л. 26).

¹⁶ Переименована 21 ноября 1918 г. с переименованием центра волости села Голицино в Урицкое (ГАСО, ф. Р-456, оп. 1, д. 48, л. 2).

¹⁷ СУ. 1928. № 96. Ст. 618; Бюл. Нижне-Волжского организационного комитета (еженедельное официальное изд.). 1928. № 1. 9 авг.; ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 2701, л. 40.

– село Баланда) Саратовского округа, Голицынский и Михайловский сельсоветы – в состав *Самойловского района* (центр село Самойловка) Балашовского округа; *Больше-Екатериновская волость* без Араповского, Крутоярского, Юматовского и Якобьевского сельсоветов – в состав *Аткарского района* Саратовского округа, Араповский, Крутоярский и Юматовский сельсоветы – в состав *Екатериновского района* (центр – поселок при железнодорожной станции Екатериновка) Саратовского округа, Якобьевский сельсовет – в состав *Петровского района* (центр – город Петровск) Саратовского округа; *Больше-Копенская волость* без Алисовского, Колокольцовского, Мало-Князевского, Николаевского и Ново-Александровского сельсоветов – в состав *Лысогорского района* (центр – село Лысье Горы), Колокольцовский, Мало-Князевский, Николаевский и Ново-Александровский сельсоветы – в состав *Баландинского района* Саратовского округа, Алисовский сельсовет – в состав *Руднянского района* (центр – село Рудня) Камышинского округа; сельсоветы *Галаховской волости*: Андреевский, Белгазинский, Бирюковский, Галаховский, Киево-Николаевский, Николаевский, Упоровский и Шадчинский – в состав *Екатериновского района*, Воеводчинский, Вяжлинский, Гайворонский и Руднянский – в состав *Аткарского района*, Анастасьинский, Богатовский, Криво-Березинский, Никольский, Радущинский, Славновский, Шалинский и Широко-Уступский – в состав *Баландинского района* Саратовского округа; *Кологривовская волость* без Вязовского, Карамышского, Кологривовского, Ново-Никольского и Слепцовского сельсоветов – в состав *Аткарского района*, Вязовский, Карамышский, Кологривовский, Ново-Никольский и Слепцовский сельсоветы – в состав *Татищевского района* (центр село Татищево) Саратовского округа; сельсоветы *Коленской волости*: Александровский, Бедняковский, Биркаловский, Мало-Меликский, Находский и Перфило-Астафьевский – в состав *Баландинского района*, Алексеево-Борский, Бизяевский, Коленский, Кондратьевский, Котовский, Орловский и Осиновский – в состав *Екатериновского района* Саратовского округа, Баландинкинский, Братский, Ново-Дмитриевский и Софьинский – в состав *Аркадакского района* (центр – село Аркадак) Балашовского округа; *Лысогорская волость* без Александровского, Алексеевского, Белгазинского, Вольновского, Дурасовского, Куликовского, Лопуховского, Озерского, Симоновского, Чернышевского и Яблочного сельсоветов – в состав *Лысогорского района*, Александровский, Алексеевский, Симоновский и Яблочный сельсоветы – в состав *Баландинского района*, Белгазинский, Вольновский, Дурасовский, Лопуховский и Чернышевский сельсоветы – в состав *Аткарского района*, Куликов-

ский и Озерский сельсоветы – в состав *Татищевского района* Саратовского округа; *Сластушинская волость* без *Земляно-Хуторского* и *Синельниковского сельсоветов* – в состав *Екатериновского района*, *Земляно-Хуторской* и *Синельниковский сельсоветы* – в состав *Аткарского района* Саратовского округа.

Таким образом, в первое десятилетие советской власти в результате поиска наиболее оптимального варианта была проведена кардинальная реформа административно-территориального устройства Аткарского уезда, что явилось крупным организационно-политическим событием в жизни обширного региона. Сохранившееся до настоящего времени практически в неизменном виде районное деление свидетельствует о его целесообразности, отвечающей экономическим условиям и потребностям функционирования низового аппарата власти.

САРАТОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА:
СОСТАВ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ
(конец XIX–начало XX века)*

Деятельность саратовского городского самоуправления в пореформенный период в отличие от местного земства¹ не получила достаточного освещения в краеведческой и научной литературе вплоть до последнего времени. Например, в коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894)» лишь вскользь упоминается о преобладании в Саратовской городской думе крупной буржуазии применительно к 1872 году². В томе 2, части 3 «Очерков истории Саратовского Поволжья (1894–1917)» отсутствует даже подобного рода информация о думе³. Между тем городское самоуправление играло не последнюю роль в жизни Саратова.

К концу XIX в. Саратов благодаря динамичному развитию превратился в один из крупнейших городов Российской империи. По данным Всероссийской переписи 1897 г., он вошел в десятку самых крупных городов страны, а в границах собственно России по численности населения уступал лишь столичным городам – Москве и Петербургу⁴. К этому времени из принадлежащей Саратову территории почти в 2000 десятин было заселено около 1500 десятин. К 1 июля 1910 г. в городе насчитывалось 23 465 домов, в том числе сдаваемых в аренду 7083, малоценных – 2639⁵.

Динамика роста численности городского населения не может не производить впечатления. За 40 пореформенных лет население Саратова более чем удвоилось⁶. По данным губернского статистического комитета, за 10-летие с 1889 по 1899 гг. число горожан увеличилось на 15%, а за последующее 10-летие – на 57%, т.е. за 20 лет рост населения составил 80%⁷. Если в 1897 г. в Саратове проживало

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 00-01-00165а/в.

¹ См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890. Саратов, 1991; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 139–171.

² Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1. С. 185.

³ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). С. 119–138.

⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 1405, л. 23–38 об.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 39–39 об.

⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). С. 104.

⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 81 об–82.

137 147 человек⁸, то к 1909 г. в нем насчитывалось уже 215 201 человек (с войсками)⁹.

Причины бурного развития города во многом объясняется его выгодным транспортно-географическим положением, что способствовало усилению торгово-промышленной роли Саратова. Определенное значение для роста городского населения имели миграционные процессы. К началу XX века сформировались потоки сезонных рабочих, которые, насчитывая до 400–500 тыс. человек, дважды в год прокатывались через Саратов и губернию¹⁰. При засухах и неурожаях в Саратов стекались крестьяне в поисках заработка, часть их впоследствии оседала в городе. Как показала перепись 1897 г., до 49,5% саратовцев составляли крестьяне, при этом лишь 40% горожан были местными уроженцами¹¹.

Сословный состав горожан был достаточно пестрым. По данным губернского статистического комитета, на 1 января 1909 г. в Саратове проживало 212 162 человека, в том числе дворян 6280 (2,9%), купцов 2963 (1,4%), мещан 63 924 (29,7%), цеховых ремесленников 23 023 (10,7%), крестьян 73 941 (34,4%), отставных нижних чинов 14 613 (6,8%), поселян-собственников (бывших колонистов) 8393 (3,9%), казаков 2997 (1,4%), разночинцев 2793 (1,3%)¹².

Не менее разнообразной была конфессиональная принадлежность саратовцев, хотя в целом доминировали православные. В городе проживали единоверцы (3,2%), раскольники (5,6%), католики (2,7%), лютеране (2,4%), мусульмане (1,2%), иудеи (0,5%) и т. д.¹³.

Развитие городов в XIX в. и особенно в пореформенный период обозначило ряд проблем, которые, как стало ясно правительству, невозможно было решить чисто бюрократическими средствами, без привлечения населения. В 1870 г. было принято Городовое положение, в соответствии с которым в городах империи вводилось самоуправление, состоявшее из городской думы с распорядительными функциями и городской управы с исполнительными функциями. Возглавлял работу этих учреждений городской голова. В ведении городского самоуправления оказались разнообразные вопросы, связанные с функционированием городского хозяйства и удовлетворением различных нужд населения (здравоохранение, образование, транспорт, дороги, водоснабжение, торговля, промышленность и т. д.)

К выборам допускались только налогоплательщики мужского по-

---

⁸ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). С. 16.

⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 55 об.

¹⁰ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). С. 16.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 55 об.

¹³ Там же.

ла не моложе 25 лет. Прямых избирательных прав при этом были лишены женщины, евреи, прокурорские работники, полицейские, священнослужители-христиане, а также лица, отрешенные от должности, состоящие под следствием или гласным надзором, исключенные из священнослужителей, различных обществ, дворянских собраний, содержатели и сидельцы винных лавок. Но свой голос они могли передоверить кому-либо при условии, что доверенное лицо должно было иметь не более 2-х голосов.

Все избиратели делились на три съезда в зависимости от размера налога. В совокупности на избирателей каждого съезда приходилось по 1/3 всех выплачиваемых налогов. Съезды в равной пропорции избирали гласных сроком на 4 года. Недемократичность подобной схемы выборов помимо всего прочего заключалась в том, что немногочисленные крупные налогоплательщики, а отчасти и средние, получили возможность отстаивать в думе и проводить через нее преимущественно свои интересы, которые, как показала практика, они не привыкли отождествлять с интересами города. Последнее обстоятельство явно не подтвердило правительственный тезис о том, что представители крупного капитала будут столь же рачительно относиться к городскому хозяйству, как до того они относились к собственному имуществу.

В Саратове в 1883 г. избирателей 1-го разряда насчитывалось 73 человека, 2-го разряда – 453, 3-го разряда – 5614¹⁴. Благодаря большей активности, большему весу, связям в Саратовскую думу попадали преимущественно представители I–II разрядов.

Небезынтересна характеристика, данная саратовским губернатором А. А. Зубовым городскому самоуправлению в ответ на запрос МВД в 1883 г. По мнению губернатора, разбивка избирателей на разряды имела целью устранить преобладание «менее платящего большинства над более платящим»¹⁵. Предполагалось, что последние имеют больший образовательный статус и значительные способности в распоряжении общественными делами. Представление о том, что основу бюджета составят сборы и повинности владельцев недвижимых имуществ, оказалось, однако, ошибочным. В Саратове, по утверждению А. А. Зубова, из 600 тыс. руб. бюджета лишь 37,6 тыс. руб. приходится на сборы с недвижимой собственности и 15 тыс. руб. – на сборы с торговых документов. «Таким образом, – констатировал губернатор, – избиратели из владельцев недвижимой собственности пользуются избирательными правами на основе конечных взносов в городскую кассу, ревниво оберегая себя от вся-

---

¹⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 940, л. 5.

¹⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 3831, л. 71.

кого возвышения оценочного сбора»¹⁶.

На практике, замечал А. А. Зубов, эти сборы и повинности падают косвенным образом на другие слои населения. Например, рост повинностей на жилые строения неизбежно влечет за собой повышение платы за аренду квартир, сборы и повинности с промышленных и торговых заведений закладываются в стоимость товаров.

Разбивка на разряды в итоге имела своим следствием «неравномерность и несправедливость распределения участия жителей в городском представительстве и управлении»¹⁷. По расчетам губернатора, лишь 20% потенциальных избирателей получили право голоса. В целом же на выборах доминировали представители «торгово-промышленного класса», что, по оценке начальника губернии, привело «к усиленному и несправедливому преобладанию состоятельного, но необразованного по преимуществу меньшинства над вышеобразованным населением»¹⁸. В итоге состав дум и управ в городах губернии не соответствовал в должной мере своему назначению. Так, по утверждению Зубова, «городские общественные банки превратились в кассы взаимного одолжения влиятельных горожан и если эти банки ликвидировать, то редкие бы из них устояли. Жалобы на злоупотребления банков до сего времени были бесцельными. Их рассматривала дума, то есть гласные, состоящие обыкновенно крупными должниками банка, которые при этом часто сами ограничивались переписыванием своих собственных векселей вместо срочной по ним уплаты»¹⁹.

Для повышения эффективности городского самоуправления саратовский губернатор предложил расширить круг избирателей за счет арендаторов жилых помещений. По его мнению, необходимо было ввести сбор с определенного минимума квартирной платы. Участие плательщиков сбора в выборах позволило бы думе говорить от лица всего города, привело бы к исчезновению корпоративного характера в «направлении самих общественных собраний, недостаточности инициативы в делах улучшения местного благоустройства»²⁰.

Правительство избрало другой путь. 11 июня 1892 г. было издано новое Городовое положение, которое заменило налоговый ценз для избирателей имущественным. Применительно к Саратову избирательные права получили те жители губернского центра, которые имели недвижимое имущество стоимостью не менее 1500 рублей. В

---

¹⁶ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 71 об–72.

¹⁷ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 3831, л. 74.

¹⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 78.

¹⁹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 23.

²⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 3831, л. 81.

число избирателей были включены и владельцы торгово-промышленных заведений города, имеющие гильдейские свидетельства. Правительство получило право не утверждать городских голов. Последние вместе с членами управ объявлялись состоящими на государственной службе, что ставило их в зависимость от правительственных чиновников.

Благодаря Городовому положению 1892 г. число избирателей в Саратове уменьшилось в 5,5 раза – с 7435 до 1129 человек²¹. К 1909 г. число избирателей составило уже 2561 человек, однако недоимщики из их рядов – до 27% – были лишены права голоса²². Таким образом, выборный орган лишь с серьезной натяжкой можно именовать «представительным».

Формальная сторона выборов представляет определенный интерес. За четыре месяца до выборов устанавливался их срок. Подготовленные списки избирателей подлежали публикации, после чего избиратели в течение двухнедельного срока могли вносить в городскую управу «свои возражения против неправильности или неполноты списка»²³. Саратовцам надлежало избирать 80 гласных. В течение двух недель до выборов составлялся список желающих баллотироваться в гласные, который вывешивался на здании думы и рассылался избирателям. В день выборов избиратели собирались в здании думы. Городской голова зачитывал им статьи Городового положения об их правах и уголовной ответственности за возможные нарушения в ходе выборов. Так, за нарушение правил о выборах городской голова подвергался штрафу до 50 руб., другие виновные – до 30 руб. или аресту от 3 до 7 дней.

Попытка саратовского губернатора создать два избирательных участка в 1892 г. для удобства избирателей натолкнулась на нежелание городской управы Саратова²⁴. Однако к 1909 г. Саратовская городская управа все-таки внесла некоторые усовершенствования в процедуру выборов, используя опыт городского самоуправления Москвы и Петербурга. Вход в зал для голосования стал осуществляться по особым билетам, на которые при входе накладывался штампель, при этом делалась запись в особом месте. В зале избиратели вносились в особый алфавитный список. Опоздавшие к 12 часам дня к выборам уже не допускались.

Ящики для голосования делились на две части: белую и черную. Для каждого кандидата в гласные выставлялся ящик. Шары для голо-

---

²¹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 940, л. 5,13.

²² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 53.

²³ Там же, д. 1328, л. 3.

²⁴ Там же.

сования выдавались избирателям по билетам. При выборах в течение нескольких дней подряд двери и окна зала обязательно опечатывались полицмейстером, как накануне выборов, так и в конце каждого дня. Подсчет шаров фиксировался в выборном листе. При недоборе гласных назначались дополнительные дни для голосования.

Городской голова и члены управы принимали присягу следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что принимаемые на себя обязанности буду исполнять по чистой совести и чести, без пристрастия и собственные корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы: если же я иначе поступаю, то, как нерадивый о благе общественном, в коем мое собственное заключается, подвергаю себя нареканию собратией и в будущей жизни – ответу перед Богом и страшным судом Его. В заключение сей моей клятвы целую Слово и Крест Спасителя моего Аминь.

... года ... (месяца) ... дня, по сему присяжному листу присягал на должность ... (имярек)²⁵

К присяге приводил священник...»²⁶.

Характерной особенностью выборов в Саратовскую городскую думу являлась их затянутость. В 1893 г. выборы проводились 19–20 января и 3–4 февраля²⁷, в 1897 г. – 3 дня²⁸, в 1901 г. – 5 дней²⁹. В 1908 г. саратовские избиратели были разделены на 2 участка: от 1-го участка надлежало избрать 39 гласных, от 2-го – 41 гласного. Выборы носили в чем-то драматический характер. Так, на 1-м участке 26 апреля из 50 баллотировавшихся 26 были избраны в гласные. Затем из 7 изъявивших желание избрали всего одного. 27 апреля все 17 кандидатов были забаллотированы. 9 мая из 36 кандидатов избрали 3-х, затем из 10 никто не прошел. На 2-м участке выборы растянулись на 4 дня. 3 мая были избраны 12 гласных. 4 мая 3 кандидата потерпели поражение, остальные отказались выдвигать свои кандидатуры. 9 мая из 36 претендентов на звание гласного победу одержали лишь трое, затем из 10 очередных соискателей никто не смог получить должную поддержку. Наконец, 14 мая из 10 кандидатов в думу прошли трое, во втором голосовании из 23 – четверо, в третьем из 10 – двое и затем еще четыре из 4-х. В результате в думу было избрано всего 59 гласных вместо по-

---

²⁵ Отмеченные отточием места дописывалась от руки.

²⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3320, л. 82. (Орфография документа сохранена. – А. В.).

²⁷ Там же, д. 1787, л. 117–119, 160–161, 173–174 об.

²⁸ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1787, л. 1.

²⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1787, л. 58–75.

ложенных по заказу 80 человек³⁰.

Своей низкой избирательной активностью горожане мало чем отличались от земских избирателей. Так, в первые 2 дня выборов 1893 г. в них приняли участие чуть более 25% городских избирателей. Сословный состав пришедших на выборы выглядел следующим образом: купцов – 104 (42%), мещан – 59 (23,4%), крестьян – 18 (7,3%), почетных граждан – 9 (3,6%), дворян и разночинцев – по 7 (по 3%), цеховых ремесленников и поселян-собственников – по 4 (по 1,6%) и т. д.³¹ В 1901 г. в выборах участвовало от 25% до 35% избирателей³². Это было характерно и для выборов 1909 г.³³ К сожалению, данные о сословном составе пришедших на выборы избирателей отсутствуют.

Благодаря наличию формулярных списков удалось выявить разнообразные данные о составе гласных Саратовской городской думы. Сведения о сословной принадлежности гласных в 1895 и 1909 гг. представлены в табл. 1. Так, в 1895 г. 52% гласных составляли купцы, 16,5% – дворяне, 12,5% – разночинцы. Об образовательном уровне гласных свидетельствуют данные табл. 2. В 1895 г. 42% гласных имели домашнее образование, 15% неполное среднее и среднее, 19% – высшее. 48 человек уже имели опыт работы в думе, в том числе 25 купцов. Подавляющее большинство гласных были местными уроженцами (31 человек) или проживали в городе более 20 лет³⁴. Таким образом, среднестатистический гласный Саратовской думы 1890-х гг. – это преимущественно купцы старше 50 лет с домашним или начальным образованием, определенным опытом работы в городском самоуправлении.

Таблица 1

Сословная принадлежность гласных думы, %	1895	1909
Купцы	52	35,5
Дворяне	16,5	3,4
Мещане	7,6	6,7
Разночинцы (врачи, учителя, присяжные Поверенные)	12,5	35,5
Крестьяне	–	1,7
Почетные граждане	7,6	13,5

³⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2733, л. 3–7, 15–16; д. 2734, л. 7–11 об.

³¹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1025, л. 13–20.

³² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1787, л. 81, 83, 85, 88, 90, 94.

³³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2733, д. 2, 6, 15; д. 2734, л. 2 об, 7, 8 об.

³⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 87, л. 2–155.

Таблица 2

Образовательный уровень гласных думы, %	1895	1909
Домашнее образование	42	30,5
Начальное	–	11,8
Неполное среднее и среднее	15	25,5
Высшее	19	32,2

Несколько иначе выглядит состав думы в 1909 г. Среди гласных купцов насчитывалось 21 (35,5%, т.е. на 16,5 % меньше, чем в 1895 г.), столько же разночинцев (врачей, учителей, присяжных поверенных и т. д. – на 23 % больше), почетных граждан – 8 (на 5,9 % больше, чем в 1895 г.), мещан – 4 (на 0,9% меньше), дворян и помещиков – по 2 (на 13,1 % меньше), крестьян – 1 (в 1895 г. не было ни одного). Изменился и образовательный уровень гласных. 18 из них (30,5%) имели домашнее образование, 7 (11,8%) – начальное, 15 (25,5%) – неполное среднее или среднее и 19 (32,2%) – высшее³⁵. Как правило, носителем высшего образования была цензовая интеллигенция. Любопытно, что 9 ее представителей были избраны впервые в гласные в период первой российской революции³⁶.

Состав членов городской управы в определенной степени был отражением состава думы. В 1895 г. городская управа состояла из 6 членов, среди которых было 4 купца, в том числе городской голова, 1 потомственный дворянин и 1 мещанин. 2 члена управы имели домашнее образование, 2 – среднее, 1 – высшее, об одном сведений нет³⁷. В 1910 г. в управе насчитывалось 7 человек, в том числе 2 купца, 2 разночинца, 2 мещанина и 1 почетный гражданин. 1 из них получил домашнее образование, 1 – начальное, 4 – неполное среднее, среднее или среднее специальное и 1 – высшее³⁸.

Об имущественном положении как гласных, так и членов управы судить затруднительно, так как для участия в выборах избирателям достаточно было заявить имущественный ценз не ниже 1500 руб., не показывая при этом свое имущество. Например, в 1895 г. большинство гласных заявили по одному дому, 10 – по два дома, 3 – по три дома, 1 – дом и пристань. 3 – по одному дому и предприятию, 2 – по магазину, 4 – по предприятию, зачастую не указывая их стоимость³⁹. Среди гласных на 1909–1912 гг. двое имели по 3 дома, пятеро – по 2 дома и один – дом и предприятие. Стоимость имущества 33-х глас-

³⁵ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 116–154.

³⁶ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 116–154.

³⁷ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 87, л. 2–155.

³⁸ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 116–154.

³⁹ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 87, л. 2–155.

ных оценивалось в 5 тыс. руб. и выше⁴⁰. Несомненно одно, что это были далеко не рядовые горожане, а представители определенных групп цензового городского населения. Так, в 1909 г. колоритными представителями местной торгово-промышленной буржуазии в городской думе являлись Э. Э. Борель (клан «сарпинковых» и «мукомольных королей»), И. И. Рейнеке (конкурирующий с Борелями клан), П. М. Репин – крупный судовладелец, А. И. Шумилин и т. д.

Исполнение обязанностей гласного было бесплатным. Служба в горуправе приравнивалась к государственной. Городской голова получал 5000 руб. и 100 руб. на представительские расходы, заступающий место городского головы – 2500 руб. и 500 руб. на расходы, члены управы – по 2000 руб. и 400 руб. на расходы⁴¹. За статус государственных служащих надлежало расплачиваться. После утверждения в должности в течение 3-х месяцев из жалованья членов управы вычиталась ежемесячно 1/3 оклада в пользу казны⁴².

Зачастую гласные занимали выборные должности, нередко оплачиваемые в других учреждениях, обществах. Так, в 1895 г. 5 гласных одновременно были мировыми судьями, получая от 1500 руб. до 2200 руб., двое были членами общества взаимного кредита с окладом в 2400 руб., двое были торговыми депутатами, получая до 500 руб. в год, и т. д.

Несколько иным было положение со служащими городского самоуправления. К сожалению, сведения о них носят неполный характер. По данным управы на 1905 г., ей подчинялось 31 структурное подразделение, в том числе 18 отделений (медико-санитарное, городского благоустройства, городских предприятий, земельно-лесное, народного образования, налоговое и т. д.), городские амбулатории, больницы, роддом, богадельни и прочие учреждения⁴³. Функции отделений, столов и бюро в основном соответствовали их названию. Так, канцелярия управы занималась перепиской по выборам, ведала всей распорядительной частью на управы; земельно-лесное отделение ведало оброчными статьями по земельно-лесному хозяйству и рыбными ловлями; оценочное отделение занималось оценкой городских недвижимых имуществ. В отдельных случаях функции были достаточно многообразными. Например, отделение городских предприятий ведало скотобойней, мясным и скотопригонными рынками, кирпичным заводом, ассенизационным обозом, свалками, городским ломбардом, аукционной камерой, городским

---

⁴⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 442, л. 114–154.

⁴¹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2263, л. 10.

⁴² Там же, ф. 4, оп. 2, д. 860, л. 31.

⁴³ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 229, л. 48–66 об.

общественным банком и ветеринарией. Функциональное распределение не всегда поддается объяснению. Так, в обязанности отделения городского благоустройства наряду с прочими входили постройка и ремонт гидротехнических сооружений. В то же время существовало водопроводное отделение, которое наряду с водопроводом занималось канализацией.

В 1910 г. насчитывалось уже 22 отделения, бюро и стола. В них было занято 162 служащих⁴⁴. По более полным данным, в декабре 1911 г. на службе у городского самоуправления состояло 365 человек. Кроме того, 10 рабочих насчитывалось в городской мастерской, и от 8 до 133 человек (в зависимости от месяца и объема работы) были заняты на кирпичном заводе⁴⁵. Эти данные совершенно не учитывают учителей, между тем к июню 1910 г. на службе у города было 189 человек, в том числе 144 женщины⁴⁶. В сословном отношении подавляющее большинство служащих принадлежало к податным сословиям. На содержании города находилась и пожарная команда.

Материальное положение служащих зависело от должности. Так, врачи получали в год от 600 руб. до 1020 руб. Должность делопроизводителей в отделениях имела большее значение для «отцов» города, иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что их годовой оклад равнялся 1000 руб. В целом стройная система соответствия размеров оклада должности, как это было принято в земских учреждениях губернии, отсутствовала. В частности, земства практиковали трехразовые прибавки, в 30–60 руб. к окладу своих служащих через каждые 5 лет. Как призналась городская управа в ответ на один из запросов, периодических прибавок к жалованью не существует. Вместо них применялась система личных прибавок.

На середине социальной лестницы по уровню содержания находились учителя и средний социальный персонал – фельдшеры и фельдшерицы, сестры милосердия, оклады которых колебались от 360 до 650 рублей. На нижней ступени той же лестницы оказались сторожа, получавшие от 60 до 144 руб. в год, или от 5 до 12 руб. в месяц. Казалось бы, при низких ценах на продукты питания этого вполне достаточно для сносного проживания, однако следует учитывать расходы на семью, на квартиру, если таковой нет, и т. д. Например, в 1910 г. средняя стоимость небольшой квартиры в Саратове определялась в 10–15 руб. в месяц. После смерти одного из сторожей его семья из жены и 5 детей осталась без средств к существованию⁴⁷.

---

⁴⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 123–331.

⁴⁵ Там же, л. 257–323, 329–331.

⁴⁶ Там же, л. 50.

⁴⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 350, 404.

Сознавая недостаточность жалованья, управа в 1910-е г. ввела практику ежегодной выдачи по $\frac{1}{2}$ оклада всем служащим к Рождеству и на Пасху. Кроме того, служащие имели возможность купить с городского склада дрова по отпускной цене. Так, сотрудники с окладом до 25 руб. в месяц могли купить $\frac{1}{2}$ пятерика дров, с окладом от 25 до 50 руб. – $\frac{3}{4}$ пятерика, с окладом от 50 до 100 руб. – 1 пятерик и окладом свыше 100 руб. – 2 пятерика⁴⁸. Некоторые служащие получали от управы стипендии для обучения своих детей в высших учебных заведениях⁴⁹. Однако последняя мера не получила сколько-нибудь широкого распространения.

Таким образом, благодаря искусственно закреплённой Городовым положением 1892 г. системе выборов в Саратовском городском самоуправлении могла принимать участие лишь незначительная часть местного населения. В целом среди гласных длительное время доминировали представители купечества, однако благодаря обозначившейся со времени первой российской революции тенденции они вынуждены были потесниться и поделиться первым местом с представителями цензовой интеллигенции. Заметно изменился и образовательный уровень гласных – от 34% со средним и высшим образованием в 1895 г. до 57,7% в 1909 г.

Среди служащих преобладали выходцы из податных сословий. Самые многочисленные группы, как правило, недостаточно оплачиваемых составляли учителя, фельдшерский персонал и другие категории служащих. По своему экономическому положению и происхождению служащие самоуправления представляли трудовую или мелкобуржуазную интеллигенцию.

---

⁴⁸ Там же, д. 2854, л. 440.

⁴⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2854, л. 442.

**ЗАСТУПАЮЩИЕ МЕСТО (ЗАМЕСТИТЕЛИ) ГОРОДСКОГО
ГОЛОВЫ г. САРАТОВА НАЧАЛА XX века***

Структура и состав органов городского общественного управления Российской империи законодательно определялись Городовыми положениями 16 июня 1870 г. и 11 июня 1892 г., а также последующими дополнениями и продолжениями. По законодательству исполнительный орган городского самоуправления – управа имела следующих руководящих должностных лиц: городской голова (для всех управ и городских дум), товарищ городского головы, фактически его заместитель на правах члена управы (только в Санкт-Петербурге, Одессе и Риге), а также помощник городского головы, должность которого была предусмотрена для незначительных уездных и безуездных городов.

В губернских же городах городская дума избирала одного из членов управы в заступающие место городского головы, чьи статус и функции были определены в основном статьями 93 – 126 Городового положения 1892 г., а также последующими дополнениями. Эта должность была штатной и для Саратовского городского самоуправления.

Заступающий место (фактически заместитель, как и товарищ городского головы) замещал городского голову в случаях его болезни или отсутствия на службе по другим уважительным причинам. Как и голова, он имел широкое и разнообразное поле деятельности в городе и управе, осуществляя в ней «общий надзор за правильным течением всех дел», руководя и подведомственными управе городскими учреждениями.

Должности руководителей городского самоуправления, в том числе заступающего место, замещались по выбору городской думой. Государственная значимость первого и второго лиц в управлении губернских городов видна из порядка утверждения их после выборов в должностях: как городской голова, так и заступающий место утверждались в должностях лично министром внутренних дел. В случае же избрания на должность заступающего место городского головы двух или более лиц, в должности утверждалось одно лицо, а остальные могли быть зачислены кандидатами на эту должность с утверждением министром внутренних дел или губернатором. Голова, его товарищ, заступающий место, помощник, а также члены

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00165а/в.

управы по законодательству 1892 г. считались состоящими на государственной службе, и на них распространялись правила согласно Уставу о службе по определению от правительства (1892 г., 11 июня, статья 106; статьи 722–724 Устава о службе, издания 1896 г.), включая классы по чинопроизводству (по Табели о рангах) и разряды по шитью на мундире.

Содержание выборному руководству городского самоуправления, другим его должностным лицам, включая членов управы, производилось в размерах, определявшихся городской думой до производства выборов.

Срок выборной службы заступающего место, как и городского головы и других членов управы, был четырехлетний. В случае же выбытия из занимаемой должности городского головы до окончания его выборного срока (только в последний, четвертый год его службы) в его должность автоматически вступал заступающий место городского головы. Увольнение от службы руководства городским общественным управлением, а фактически государственных служащих, чиновников по выбору, до истечения ими выборного срока производилось по их личному ходатайству (заявлению) властью, утверждавшей их назначение на должность.

Высокое служебное положение руководства городского самоуправления не должно было давать ему льгот и лазеек для личного обогащения: городскому голове, его товарищу, заступающему место, помощнику головы и другим должностным лицам законодательно запрещалось участвовать в приобретении имущества (современная «приватизация»), продажа которых была возложена на них по службе.

Таким образом, из краткой законодательной характеристики видно, насколько ответственной и значимой была должность второго лица городского самоуправления губернского города. Поэтому и кандидатуры на эту должность подбирались городской думой очень тщательно, с учетом профессиональных, общественных и личных нравственных качеств кандидата. Как показала практика работы Саратовского городского самоуправления, ошибок в выборе людей на эту хлопотную должность не было, а наиболее интересными личностями, много полезного сделавшими для дореволюционного Саратова, были заступающие место городского головы В. И. Алмазов и А. А. Яковлев.

Василий Иванович Алмазов

Вторым лицом в Саратовском городском самоуправлении в период с 1906 по 1910 гг. был гласный Саратовской городской думы, за-

ступающий место саратовского городского головы надворный советник Василий Иванович Алмазов. Принадлежал он к тому типу новых людей в России, путевку в жизнь которым открыли результаты проведения Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. Происходивший из мещан, ставший уездным лекарем, земским врачом, он в своем неустанном общественном труде, приведшем его на пост заместителя саратовского городского головы, является наглядным жизненным антиподом известному чеховскому герою – доктору Старцеву из рассказа «Ионыч».

В. И. Алмазов родился 5 марта 1857 г., родового имени не имел, человек сугубо штатский, на протяжении всей своей жизни «в походах против неприятеля и в сражениях не был». Как человек законопослушный, наказаниям и высказываниям, связанным с ограничениями в преимуществах по службе, не подвергался.

Начало профессиональной деятельности В. И. Алмазова было связано с окончанием им курса в Казанском университете по медицинскому факультету со степенью лекаря, в чем ему и было выдано удостоверение – свидетельство от 6 сентября 1881 г. за № 1790. Через 10 дней он получил другое свидетельство – удостоверение того же университета (№ 1134), из которого явствует, что после надлежащих испытаний В. И. Алмазов получил звание уездного врача. Может быть, так и суждено было остаться ему земским врачом, если бы не одно обстоятельство. По ходатайству Новоузенской земской управы министром внутренних дел В. И. Алмазов был утвержден врачом Новоузенского уезда Самарской губернии с правом государственной службы по чиновному производству с 16 июня 1881 г. Служил В. И. Алмазов, видимо, добросовестно, так как указом правительствующего Сената от 29 января 1890 г. (№ 26) он был произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством от 16 июня 1881 г., а указом Сената от 19 декабря 1890 г. за выслугу лет последовало производство в коллежские асессоры со старшинством с 16 июня 1884 г.

Не оставило своим вниманием В. И. Алмазова и военное ведомство. Самарским уездным по воинской повинности присутствием согласно 63 статьи Устава о воинской повинности, он, как имеющий степень лекаря, был зачислен при призыве 1882 г. в запас армии (свидетельство за № 3031 от 23 ноября 1884 г.); Высочайшим приказом о гражданских чинах военного ведомства от 25 августа 1885 г. (№ 38) В. И. Алмазов был зачислен в запас чиновников военно-медицинского ведомства.

В 80-е гг. и до 1893 г. (время его ухода в отставку) В. И. Алмазов успешно продолжал карьеру земского врача, довольно быстро и вы-

соко продвигался в чинах. Указом правительствующего Сената от 22 декабря 1892 г. (№ 185) В. И. Алмазов за выслугу лет был произведен в надворные советники со старшинством с 16 июня 1888 г.

В 1892–1893 гг. наблюдается резкий поворот в служебной карьере и положении В. И. Алмазова: согласно прошению он, увольняется министром внутренних дел от службы (13 марта 1893 г.) и переезжает на жительство в Саратов. С 3 марта 1893 г. по 1 ноября 1895 г., как видно из его формуляра, В. И. Алмазов состоял на службе в обществе Рязано-Уральской железной дороги, занимая должность врача при Управлении РУЖД и заместителя начальника врачебной службы¹.

Однако в последующие годы (1898–1902) в справочных изданиях по Саратовской губернии отмечено продолжение казенной врачебной службы, частной врачебной практики на дому, участия В. И. Алмазова в разносторонней врачебной деятельности, следствием чего стала его широкая известность среди населения Саратова.

В. И. Алмазов служил врачом 10 (позже 12) участков и заместителем начальника врачебной службы в Саратовском отделении Казанского округа Министерства путей сообщения РУЖД. Эта служба находилась по ул. Александровской (ныне М. Горького) и Малой Сергиевской (ныне Мичурина) в доме Масленникова. Среди врачей, практикующих в Саратове, значится железнодорожный врач Василий Иванович Алмазов. В 1898–1900 гг. он вел частную домашнюю практику в снимаемой им с женой квартире в доме Е.И. Пшеничного по ул. Приютской, 22, кв. 2, близ Армянской (ныне Комсомольская – Волжская). В справочниках по Саратову указаны даже часы приема – с 8 до 10 утра и номер телефона квартиры – 30, что было в конце века большой редкостью. Видимо, на рубеже веков финансовые дела В. И. Алмазова шли в гору, так как в 1901–1902 гг. он практикует уже в собственном доме, где жил с женой, по адресу: Большая Казачья № 8, близ Александровской (Горького),.

В. И. Алмазов состоял в престижном обществе Саратовских санитарных врачей, находившемся под покровительством принца А. П. Ольденбургского, был казначеем, а в 1902 г. стал президентом общества.

В. И. Алмазов был известен и как преподаватель. Он преподавал анатомию и терапию в школе фельдшерниц, находившейся в ведении возглавляемого им общества Саратовских санитарных врачей. Школа располагалась на Первомайской улице (Чернышевского), между Приютской (Комсомольская) и Полицейской (Октябрьская). В 1900 г. В. И. Алмазов стал секретарем комитета попечительства об этой школе. Одновременно он является товарищем (заместителем)

---

¹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2601, л. 1–31.

председателя Саратовского отделения Санкт-Петербургского врачебного общества взаимопомощи. Как видим, его профессиональные и общественные связи были весьма обширны².

В начале XX века В. И. Алмазов был настолько хорошо известен в кругах саратовской общественности, что 10 июня 1905 г. городским избирательным собранием был избран гласным Саратовской городской думы на четырехлетие—1905—1908 гг. Начался новый, заключительный этап его карьеры, озаглавленный разносторонней деятельностью в сфере общественного самоуправления Саратова. 21 сентября 1905 г. В. И. Алмазов Саратовской городской думой был избран членом городской управы на четырехлетие 1905 – 1908 гг. и утвержден в этой должности саратовским губернатором 8 октября 1906 г. (№ 486). Его активная работа на новом месте была по достоинству оценена гласными: он был избран на срок полномочий думы, т. е. до 1909 г., заступающим место городского головы г. Саратова. Утвердил его в этой должности «за Министра внутренних дел – Начальник главного управления по делам местного хозяйства». Это произошло 12 мая 1907 г.

Отзвуком прежней службы врача для В. И. Алмазова было пребывание в запасе как чиновника военно-медицинского ведомства, куда он был зачислен еще 25 августа 1885 г. Окончательно же распрощаться с этим ведомством ему довелось только в 1906 г., когда Высочайшим приказом о гражданских чинах военного ведомства от 28 мая (№ 24) В. И. Алмазов был уволен из запаса в отставку³.

В. И. Алмазов проявил себя как человек высоко и разносторонне эрудированный, наделенный организаторскими и аналитическими способностями, глубоко и серьезно входящий в новую для него сферу деятельности. Судить об этом позволяет важный в истории Саратовского городского самоуправления документ, непосредственно связанный с новой службой В. И. Алмазова. Это текст доклада городской думе, сделанный членом управы В. И. Алмазовым в апреле 1907 г. Речь шла об устройстве в Саратове, по образцу крупнейших западноевропейских городов, городской канализации. Докладчик отметил, что вопрос о введении канализации в Саратове был впервые возбужден Саратовским санитарным обществом еще в 1876 г., когда старейшим членом думы архитектором города А. М. Салько был представлен приблизительный расчет стоимости ее сооружения, выгодного для населения такого способа удаления нечистот как

---

² Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 г. С. 158, 197–198, 314; Адрес-календарь Саратовской губернии 1902 г. Саратов, 1901. С. 133, 116, 148, 149, 157.

³ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д.2601, л. 1–30; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 год. Саратов, 1907. С. 87, 103.

с санитарной, так и экономической стороны. По словам В. И. Алмазова, городская дума стала заниматься этим вопросом с 2 октября 1892 г., когда был заслушан доклад управы о предложении Берлинской фирмы «Нарун и Петч» по устройству канализации. Уже тогда гласные признавали, что такая необходимость для Саратова назрела. В. И. Алмазов подчеркнул, «... что этот насущный вопрос городской санитарии все же дошел до того пункта, когда можно сказать – пора и можно вводить канализацию в Саратове».

Хотя для нового дела придется городскому самоуправлению и домохозяевам пойти на значительные расходы (1580000 руб. от города и ежегодно по 135 000 руб. от домовладельцев района первой очереди канализации), строить канализацию необходимо, так как это сократит смертность в Саратове на 1600 человек ежегодно. Именно этот веский аргумент и привел врач и член управы В. И. Алмазов в заключительной фразе доклада: «Жизнь не поддается оценке в рублях, но г-да гласные, каждый из Вас не откажется признать, что самое ценное в жизни – это сама жизнь, и что перед возможностью сохранить 1600 жизней ежегодно не покажутся чрезмерными никакие экономические жертвы»⁴.

Вопросы городской санитарии, поднятые В. И. Алмазовым в докладе, адресованном гласным думы, непосредственно относились к кругу его служебных обязанностей. А в управе как заступающий место городского головы, он заведовал медико-санитарной частью, народным призрением, городскими скотобойнями, мясными и скотопригонными рынками, микроскопической станцией, ассенизационным обозом, очисткой площадей и местами свалок нечистот. Одновременно по долгу службы В. И. Алмазов председательствовал в воинском присутствии, вел текущую переписку по секретарскому отделению⁵.

Прошел положенный срок полномочий думы, и 14 мая 1909 г. Саратовское городское избирательное собрание вновь избрало В. И. Алмазова гласным городской думы на новое четырехлетие, а 16 сентября того же года городской думой он был избран на новый срок ее полномочий членом городской управы. Утверждение В. И. Алмазова в этой должности саратовским губернатором последовало 30 сентября 1909 г. (№ 2625).

Городская дума, как и прежде, вновь избрала В. И. Алмазова на срок своих полномочий на должность заступающего место городско-

---

⁴ Известия Саратовской городской Думы № 1. Апрель 1907 г. Отдел VI. Доклады управы и комиссий. С. 115–145.

⁵ Весь город Саратов. Адрес-календарь-указатель на 1910 г. / Сост. и ред. П. Кочергин. Год 2-й. Саратов, 1910. С. 170.

го головы. Утверждение последовало от начальника главного управления Министерства внутренних дел 29 декабря 1909 г.

На В. И. Алмазова снова навалилась масса текущей и экстренной работы. В период с ноября 1909 г. до середины 1910 г. он, кроме основной работы, участвовал по выбору думы в работе постоянной училищной комиссии при управе.

Напряженная работа отрицательно повлияла на состояние здоровья В. И. Алмазова, и 3 июня 1910 г. он был вынужден написать заявление на имя городского головы, в котором просил уволить его от службы как члена городской управы и заступающего место городского головы «по расстроенному здоровью» с 15 июня 1910 г.

11 июля 1910 г. увольнение состоялось (предложение саратовского губернатора № 1621), однако В. И. Алмазов не отошел окончательно от нужд и забот Саратовского городского общественного самоуправления. В период лета 1910–осени 1911 гг. он был избран думой членом ряда постоянных и временных комиссий при управе: памяти Л. Н. Толстого, по подготовке празднования 50-летия освобождения крестьян, по увековечению памяти Петра Аркадьевича Столыпина, канализационной комиссии и комиссии по выяснению новых источников доходов городской управы.

Осенью 1913 г. В. И. Алмазову была поручена ответственная и серьезная миссия: представлять Саратовское городское общественное управление на наконец-то состоявшемся съезде представителей городского самоуправления России. В журнале Саратовской городской думы от 27 сентября 1913 г., пункт № 2, отмечено: «Заслушан отчет В. И. Алмазова о съезде городских деятелей в Киеве, на который он был командирован от Думы в качестве представителя. Отчет при аплодисментах гласных принят думой к сведению».

Последнее упоминание о В. И. Алмазове в справочной литературе относятся к 1916 г. Врач, надворный советник, В. И. Алмазов продолжал оставаться гласным Саратовской городской думы, куда он был избран на четырехлетие с 1913–1916 гг., но никаких общественных дел и должностей уже не имел⁶.

О личной жизни В. И. Алмазова сохранилось немного сведений. Известно, что он женился на дочери дворянина Юлии Ивановне Шестаковой. Его жена, женский доктор Ю. И. Алмазова служила в Покровской воскресной школе (Александровская ул., дом Покровской церкви). У Алмазовых 14 октября 1884 г. родилась дочь Надежда, обучавшаяся в 1909 г. на Высших женских курсах. Семья была

---

⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2601, л. 1–31; Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 г. Саратов, 1916. С. 61; Весь Саратов. Справочник-календарь на 1916 г. Саратов.: С. 78 – 79.

православная. За время своей разносторонней трудовой деятельности В. И. Алмазов нажил дом в Саратове, находившийся на Большой Казачьей ул., № 8, с оценкой в 2140 руб. и земельный участок в 12 десятин в Саратовском уезде⁷. Одноэтажный дом В. И. Алмазова сохранился до настоящего времени.

На дочери Алмазова женился и жил в его доме А.Н. Бакулев, студент Саратовского университета(1911–1914), в 1914–1917 гг. он находился на русско-германском фронте в качестве «зауряд-врача», а в 1918–1922 гг. – в Красной Армии. А. Н. Бакулев работал в клинике С. И. Спасокукотского в Саратове 1922–1926, а с 1926 г. – у него же в Москве. Впоследствии Герой Социалистического труда, академик АН СССР⁸.

Александр Александрович Яковлев

Непросто сложилась судьба Александра Александровича Яковлева, коллежского советника, заступающего место саратовского городского головы, почетного мирового судьи Саратовского городского округа.

В течение 6 лет (1911–1917) он занимал эту хлопотливую и ответственную должность, причем дважды: в 1913 – 1914 и в 1917 гг.; ему, при вакансии саратовского городского головы, суждено было самому возглавлять Саратовское городское общественное управление.

А. А. Яковлев родился 4 сентября 1864 г., вероисповедания был православного и происходил из потомственных дворян Саратовской губернии, но, видимо, обедневших, так как родового имени не унаследовал. Всю жизнь А. А. Яковлев неустанно трудился, и в его служебном пути прослеживаются очень разные сферы деятельности, завершившиеся службой по Саратовскому городскому общественному управлению.

По окончании полного курса наук в Санкт-Петербургском университете со степенью кандидата естественных наук, А. А. Яковлев поступил на военную службу. Приказом по 2-й Гвардейской пехотной дивизии от 24 декабря 1888 г. за № 105 он был зачислен рядовым на правах вольноопределяющего 1 разряда. Продвижения следовали довольно быстро. 28 мая 1889 г. А. А. Яковлев был произведен в ефрейторы, а 27 июня того же года – в младшие унтер-офицеры. Но вскоре армейская карьера подошла к концу. На проведенном 5 августа 1889 г. в штабе 23-й пехотной дивизии на экзамене А. А. Яковлев был признан достойным производства в прапорщики запаса армей-

---

⁷ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 2601, л. 1 – 31; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. С. 293; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 г. С. 180.

⁸ Сведения любезно предоставлены доцентом СГУ Е. К. Максимовым.

ского полка и был произведен 9 августа 1889 г. Спустя две недели, 24 августа 1889 г., он был уволен в запас, а Высочайшим приказом от 27 сентября 1889 г. был произведен в прапорщики запаса армейской пехоты. Так завершилась первая, военная страница его разносторонней служебной карьеры.

Следующий период, связанный с казенной службой, начался после небольшого перерыва, с 20 апреля 1890 г., когда А. А. Яковлев приказом главного контролера Тамбово-Саратовской и Баскунчакской железных дорог был определен на должность счетного чиновника означенного контролера. Как и прежде, здесь последовало скорое, но недолговременное повышение по службе, первый чин. Указом правительствующего Сената по департаменту герольдии от 2 января 1891 г. за № 3 А. А. Яковлев был утвержден в чине коллежского секретаря. Вскоре приказом главного контролера Козлово-Саратовской и Баскунчакской железной дорог от 30 января 1891 г. за № 153 он был назначен помощником контролера. Но и эта сфера деятельности, несмотря на открывавшиеся перспективы, не привлекла А. А. Яковлева. Согласно его прошению, приказом главного контролера той же дороги от 1 ноября 1891 г. он был уволен в отставку.

В последующее десятилетие конца XIX–XX вв. А. А. Яковлев состоял на чиновничьей службе в качестве младшего питейного контролера 1 округа Саратовского акцизного управления (назначен на должность приказом управляющего акцизными сборами от 9 января 1901 г., а уже от 11 января 1902 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам). В начале 90-х гг. начинается новый этап его служебной биографии, связанной с общественной деятельностью, в конечном итоге завершившийся работой в сфере Саратовского городского самоуправления. 27 октября 1891 г. А. А. Яковлев уездным земским собранием был избран в члены Саратовской уездной земской управы, в этой должности был утвержден саратовским губернатором 31 октября 1891 г., правда, ненадолго, и уже 2 марта 1892 г. был уволен от службы согласно своему прошению.

С 1902 по 1909 гг. в жизни и службе А. А. Яковлева наступил новый этап – судебная деятельность дала продвижение в чинах, первые награды и упрочившееся общественное признание. Видимо, к этому времени связи с земством, возникшие в предшествующее десятилетие, не только не пресеклись, но упрочились, так как 13 октября 1902 г. Саратовским очередным уездным земским собранием А. А. Яковлев был избран в участковые мировые судьи Саратовского городского округа, где и служил в дальнейшем. Указом правительствующего Сената от 20 мая 1903 г. за № 4271 он был утвержден в

должности участкового мирового судьи Саратовского городского округа, а очередными уездными земскими собраниями переизбран на эту должность на последующее трехлетие – с 23 ноября 1905 г. и с 6 октября 1908 г. В этой должности он был утвержден указами правительствующего Сената соответственно от 24 октября 1906 г. (№ 12061) и 16 сентября 1909 г. (№ 86007). Заслуги А. А. Яковлева на судебном поприще были отмечены производством его Высочайшими приказами по гражданскому ведомству: сначала в титулярные советники со старшинством с 30 января 1903 г. (от апреля 1905 г. № 21), а затем за выслугу лет и в коллежские асессоры со старшинством с 30 января 1906 г. (от 12 сентября 1907 г. № 60). Первой наградой А. А. Яковлева был орден Св. Станислава II-й степени, пожалованный ему 1 января 1908 г.

Служба в качестве мирового судьи Саратовского городского округа упрочила авторитет и усилила известность А. А. Яковлева как общественного деятеля в Саратове, и 12 октября 1909 г. городская дума избирает его членом городской управы на срок полномочий думы. Начинается новый период его жизни. Теперь уже непосредственно связанный с Саратовским городским общественным управлением, А. А. Яковлев покидает судебную стезю (указом правительствующего Сената от 28 октября 1909 г. за № 10743 он был, согласно прошению, уволен от должности участкового мирового судьи). Предложением саратовского губернатора от 6 ноября 1909 г. (№ 2992) он был утвержден в должности члена городской управы.

В должность члена управы А. А. Яковлев вступил по принятию присяги 10 ноября 1909 г. Через несколько месяцев, 10 марта 1910 г., А. А. Яковлев городской думой был избран на срок полномочий членом Саратовского городского по воинской повинности присутствия, а 3 сентября 1910 г. дума избрала его на срок своих полномочий еще и распорядителем воскресной школы при 5-м мужском городском училище⁹.

В 1910 г. коллежский асессор А. А. Яковлев был представителем от земства в уездной землеустроительной комиссии Саратовского уезда (Константиновская, 53, дом Кишкина), а также гласным уездного земского собрания Саратовского уезда¹⁰.

Активная работа в управе, расширяющаяся сфера общественных поручений упрочили и без того высокий авторитет А. А. Яковлева.

---

⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 1–72; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 г. Саратов, 1901. С. 102; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. Саратов, 1907. С. 90; Саратов в кармане: Путеводитель. Саратов, 1910. С. 125.

¹⁰ Памятная книжка Саратовской губернии на 1910 г. Саратов, 1910. С. 96, 160–161.

Поэтому 9 июня 1911 г. Саратовской городской думой он был избран на срок ее полномочий заступающим место городского головы. Утвердил его в этой ответственной должности по предложению саратовского губернатора зам. министра внутренних дел, начальник Главного управления по делам местного хозяйства 4 июля 1911 г. (№ 1877). Вскоре добавились и новые обязанности: предложением попечителя Казанского учебного округа от 19 ноября 1912 г. (№ 28076) А. А. Яковлев был утвержден в должности почетного смотрителя Саратовского 4-го высшего начального училища на трехлетие с 19 ноября 1912 г.

Так, с 9 июня 1911 по 4 августа 1917 г. прослеживается заключительный этап деятельности А. А. Яковлева в Саратовском городском общественном управлении в качестве как заступающего место саратовского городского головы, так и самого городского головы.

В журнале Саратовской городской управы запротоколировано, что на заседании управы 14 января 1913 г. слушался вопрос о том, что городской голова В.А. Коробков с 29 декабря 1912 г. сложил с себя обязанности городского головы, получив новое назначение. Поэтому на основании статьи 125 Городового положения «...в должность головы вступил заступающий его место член управы А. А. Яковлев». Городская управа постановила: «Производить с 1 января 1913 г. выдачу содержания исполняющему дела Городского головы А. А. Яковлеву в размере, присвоенном должности Городского головы». Подписали: «П. Воронин, К. Болотников, Д. Карнаухов, Я. Воробьев». В формуляре А. А. Яковлева отмечено, что он 29 декабря 1912 г. вступил в исполнение обязанности городского головы с правом на получение содержания, присвоенному городскому голове с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г., т.е. на целый год.

Городской думой (9 января 1913г.) он был избран как исполняющий дела городского головы депутатом от Саратова на празднование 300-летия Дома Романовых 1 февраля 1913 г. То, что А. А. Яковлев фактически являлся в это время городским головой Саратова, подтверждает выписка из журнала очередного собрания городской думы, состоявшегося 9 января 1913 г. (пункт 4). Городская дума постановила: «...просить з.м. Городского головы А. А. Яковлева, за оставлением службы Городского головы В.А. Коробкова, являющегося в настоящее время Городским головой Саратова, быть депутатом от г. Саратова на праздновании 300-летия Дома Романовых и поручить Управе своевременно послать об этом извещение г-ну Губернатору» (канцелярия Саратовской городской думы 31 января 1913 г. № 5). Это участие в юбилейных торжествах было отмечено соответствующим образом 31 марта 1913 г. А. А. Яковлеву было сообщено,

что на основании Высочайшего повеления 18 февраля 1913 г. ему был пожалован нагрудный знак, утвержденный для лиц, приносящих личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летнего царствования дома Романовых в дни юбилейных торжеств.

Через год (14 января 1914 г.) А. А. Яковлев вновь был избран городской думой членом городской управы и утвержден в этой должности губернатором 24 января 1914 г. Саратовской городской думой 5 марта 1914 г. А. А. Яковлев был вновь избран на срок ее полномочий заступающим место городского головы. Утвержден в этой должности 2 апреля 1914 г.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству А. А. Яковлев был произведен в чин коллежского советника (24 января 1914 г.).

Дальнейшие вехи служебной деятельности А. А. Яковлева в сфере Саратовского городского самоуправления прослеживаются лишь фрагментарно. Однако известно, что 12 февраля 1915 г. за труды по отличному выполнению мобилизации 1914 г. ему последовала Высочайше учрежденная светло-бронзовая медаль на ленте Белого Орла для ношения на груди¹¹.

В 1916 г., когда во главе Саратовского городского общественного управления находился новый городской голова врач Михаил Федорович Волков, заступающим место городского головы был коллежский советник Александр Александрович Яковлев¹².

Последнее известное упоминание о службе А. А. Яковлева относится к 1917 г. Краткая запись в его формуляре гласит: «...За бывшего Городского головы М.Ф. Волкова исполнял обязанности Городского головы с 28 апреля по 4 августа 1917 г.»

Немного сведений о А. А. Яковлеве сохранилось в журнале Саратовской городской управы. На заседании 24 мая 1917 г. члена управы слушали: «городской голова М.Ф. Волков с 28 апреля сего года сложил с себя обязанности городского головы. На основании 125 статьи городского положения в должность головы вступил заступающий его место А. А. Яковлев. Согласно 560 статье Устава о службе и решении Сената (Указ 12 августа 1899 г. № 8155 и 28 ноября 1906 г. № 13027 и др.) заступающий место городского головы, вступив в должность вследствие выбытия головы в последний год выборного срока, пользуется правом на получение содержания в присвоенном Городскому голове окладе. Постановили: производить с 28 апреля 1917 г. выдачу содержания заступающему место городского головы А. А. Яковлеву в размере, присвоенном должности Город-

---

¹¹ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 1–72.

¹² Памятная книжка Саратовской губернии на 1916 г. Саратов, 1916. С. 63; Весь Саратов: Справочник-календарь на 1916. С. 79.

ского головы. Подписали члены: Исупов, Никольский, Белотгинский».

Таким образом, А. А. Яковлев был предпоследним саратовским городским головой царского режима. Всю жизнь он много трудился в разных сферах служебной деятельности. Удивительное дело: человек почти не имел отдыха. Из формуляра известно, что А. А. Яковлев был в отпуске лишь в 1891 г., а в 1914 г., прервав отпуск, по случаю мобилизации, явился вскоре на службу. Был в отставке с награждением чином, но в это время работал не на государственной службе (с 1 ноября 1891 г. по 11 января 1901 г., с 11 января по 13 октября 1902 г. и с 28 октября 1909 г. по 25 сентября 1910 г.). За время службы он нажил одно дворовое место в Саратове с постройками, оцениваемое в 4290 рублей. Проживал с семьей по адресу: угол улиц Бахметьевской (ныне Б. Хмельницкого) и Вольской в собственном доме. В 1901 г. он жил по Московской улице, в доме Мордвинкина.

Был женат (30 августа 1888 г.) на дворянке девице Екатерине Ардалионовне Токарской, 1865 г. рождения. Имел сына Георгия, родившегося в 1889 г. Семья его была православного вероисповедания¹³.

---

¹³ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 1 – 79.

САРАТОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РКП (б) НА ПУТИ
ОТ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» К НЭПУ
(1921–1923)

Весной 1921 г. на X съезде партии большевиков была провозглашена смена курса экономической политики Советского государства. После принятия съездом решения о замене продразверстки продналогом многие старые и опытные члены партии остались в недоумении. Несогласие с нэпом многих делегатов съезда передалось членам местных партийных организаций, и Саратовская губерния не была в этом отношении исключением. Действительно, как следует из источников, среди саратовских коммунистов наряду с явной поддержкой нового курса выявилось и глубокое принципиальное несогласие с ним ¹.

Много толков среди членов партии вызвали и декреты, последовавшие после закрытия X съезда. Работники губпродкома восприняли декрет о замене разверстки налогом как какую-то шутку, полагая, что налог введен временно для успокоения крестьян, недовольных продовольственной политикой советской власти. Поэтому они ожидали, что весной, когда крестьяне успокоятся, будет опять введена разверстка ².

Разноречивые суждения рождались среди партийных масс губернии и после опубликования декрета о вольной торговле продуктами питания. По поводу этого декрета партийные работники высказывались так: «Свобода торговли и мелкой промышленности ... ведет к росту капитализма внутри страны. Этот рост означает увеличение экономического значения и силы частнособственнического хозяйства ... Увеличение экономической мощи капитализма в советской деревне ведет к его политическим победам. Хрупкая политическая оболочка диктатуры пролетариата в России не выдержит под ней буржуазной стихии и треснет по всем швам. Новая экономическая политика создает себе соответствующие политические формы» ³. Поэтому нередко члены партии видели в нэпе не только экономическую уступку, но и политическую, особенно широко такое толкова-

---

¹ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 12, л. 27, д. 299, л. 49-а об., д. 316, л. 40; *Стрельцова А. И.* Борьба Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период 1921–1925 (по материалам Саратовской губернской партийной организации) // Учен. зап. Сарат. пед. ин-та. 1959. Вып. 33. С. 15.

² ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 5, л. 31.

³ Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №8. С. 10.

ние нэпа было распространено среди крестьян-коммунистов. Вследствие этого запущенный в марте 1921 г. механизм нэпа стал пробуксовывать. Действительно, как явствует из материалов XI губернской партконференции (декабрь 1921 г.), новая экономическая политика не дала к тому времени желаемых результатов.

Конечно, нельзя сказать, что никаких усилий по внедрению элементов новой экономической политики не предпринималось. Скорее, наоборот, в этом направлении проводилась весьма масштабная работа. На XI губернской партконференции отмечалось, что к декабрю 1921 г. губкомом было выполнено 90% всех практических мероприятий по внедрению элементов нэпа. Однако их результативность оказалась практически нулевой, поскольку эта работа, по словам одного из делегатов конференции, «...не пронизывала мозги членов партийной организации, они не уяснили смысла этого ... переходного периода...»⁴.

Не понимая нового курса экономической политики, члены РКП (б) были не способны развеять слухи среди крестьянства об отсутствии различий разверстки и налога, зачастую сами содействовали их распространению. Ошибочно истолковывая нэп и не понимая его исторического места, некоторые коммунисты страдали «перегибанием» палки в новом курсе⁵. Как сообщалось в двухнедельном информбюллетене (15 января-1 февраля 1922 г.) полномочному представителю ВЧК в Поволжье, «непонимание самими членами РКП нового курса экономической политики, нетактичное их поведение, свойственное 1918–1919 годам, усугубляет отношение к ним крестьян, последствием чего являются ... восстания...»⁶

Недовольство партработников и рядовых коммунистов введением нэпа, извращенное понимание его сущности вынудили ЦК РКП (б) обратить особое внимание на вопросы повышения идейно-политического уровня коммунистов в условиях новой экономической политики. На необходимости решения этого вопроса заострил свое внимание еще X съезд партии, признав крайне желательной организацию систематических курсов по теории, истории и практике марксизма⁷. Но более основательно, широко эта проблема обсуждалась на X Всероссийской партконференции, созванной в мае 1921 г. В. И. Ленин обосновывал ее созыв тем, что «... на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громад-

---

⁴ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 8, лл. 18 в, 19.

⁵ Там же. Д. 299, л. 49-а об., д. 831, л. 24, ф. 5692, оп. 1, д. 7, л. 25.

⁶ Там же. Д. 815, л. 11 об.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 360.

ной степени не разъясненной, частью даже непонятной»⁸. В итоговой резолюции «Об экономической политике» конференция перед всеми советскими и партийными работниками поставила задачу полного усвоения и точного проведения нэпа. Нэп, говорилось в резолюции, партия признает установленным на долгий, рядом лет измеряемый период времени и требует от всех проведения с безусловной тщательностью и добросовестностью⁹. В развитие этого решения, X Саратовская губернская партконференция (8–10 июня 1921 г.) постановила считать основным содержанием партийной работы ближайшего времени понимание, усвоение и проведение в жизнь новой экономической политики¹⁰.

Двигаясь в заданном решениями обоих партконференций направлении, саратовские власти решили провести в ряде уездов специальные шестинедельники по разъяснению содержания нового экономического курса. В основу кампании было положено изучение работы В. И. Ленина «О продналоге», для чего ее подробный конспект был напечатан в саратовских газетах¹¹. Однако не везде эта работа оказалась результативной. Если члены Саратовской городской организации РКП (б), как считалось, уяснили смысл нэпа, то для членов многих укомов программа шестинедельника оказалась слишком сложной для понимания. Например, в Петровском уезде члены укома смогли усвоить лишь некоторые термины и понятия, употребляя их чисто механически. А в Саратовском уезде аналогичный шестинедельник провалился из-за неподготовленности его организаторов. Поэтому, вняв совету делегата от Петровского уезда о том, что разъяснение понятия нэпа нельзя отрывать от общей ликвидации политической безграмотности членов партии, 2-й пленум Саратовского губкома (июнь 1921 г.) поручил губкому «... немедленно разработать план, метод и способ политического ... развития членов партии»¹².

Выполняя поставленную перед ним задачу, Саратовский губком пришел к выводу, что таким методом и способом политического развития партийных масс является создание специальной инфраструктуры, т. е. открытие политкурсов, партшкол, марксистских кружков и других учреждений, имеющих своей целью ликвидацию

---

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 299.

⁹ КПСС в резолюциях... С. 420.

¹⁰ Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства 1921–1925: Документы и материалы. Саратов, 1960. С. 33.

¹¹ Саратовские Известия. 1921. 14.07. Л. 1; Стрельцова А. И. Борьба Коммунистической партии... С. 15.

¹² ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 10, л. 61 об., 63 об., 81; Саратовские Известия. 1921. 19.11. Л. 2.

политической безграмотности членов партии. В необходимости такого шага губком убедили результаты проверки знаний саратовскими коммунистами нового законодательства советской власти, которые оказались весьма плачевными. В Балашовском уезде, например, проверка выявила, что среди членов укома и кандидатов в члены РКП (б) 50% слабо разбирались в политике ¹³.

В ноябре 1921 г. в ряде уездов стали открываться районные советские партийные школы, возобновляться вечерние курсы политграмоты, например, в Балашовском уезде. В губернском центре были организованы 2 губпартшколы и 4 уездные партшколы, где к марту 1922 г. обучалось около 415 человек ¹⁴. В задачи таких школ входило, главным образом, ликвидация политической неграмотности среди членов РКП (б), расширение и углубление политкругозора и знаний старых членов партии, подготовка новых партийных, советских и профессиональных работников. При районных партшколах были открыты партклубы с кружками и студиями. Партийные клубы были организованы на предприятиях и в профорганах некоторых уездных городов. Партклубы, отмечалось XVII горпартконференцией РКП (б) (март 1922 г.), приносят громадную пользу, там собираются товарищи, дискутируются вопросы, устраиваются беседы ¹⁵. Кроме того, в марте 1922 г. начала действовать лекторская группа, где обучалось около двадцати человек. Она заменила собой существовавшие марксистские кружки. Как отмечалось в отчете о работе группы, за четыре с лишним месяца своего существования она оказала большое влияние на повышение умственного уровня слушателей, способствовала развитию у них зачатков самостоятельного марксистского мышления ¹⁶. И, наконец, в мае и июне 1922 г. в уездах наряду с партшколами открылись особые курсы политграмоты для кандидатов в члены РКП (б), курсы по ликвидации политической безграмотности по более крупным рабочим ячейкам и фабрично-заводским предприятиям. Для посещавших эти курсы делались доклады на различные темы, вплоть до такой, как «Нэп и коммунистическая этика». В целом всеми видами марксистско-ленинского образования в губернии было охвачено более 5 тыс. человек ¹⁷.

---

¹³ ЦДНИСО, д. 801, л. 88, ф. 10, оп. 1, д. 243, л. 6.

¹⁴ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 243, л. 7; ф. 27, оп. 2 д. 795, л. 70; РГАСПИ, ф. 17, оп. 14, д. 660, л. 45.

¹⁵ Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №10. С. 13; ЦДНИСО, ф. 19, оп. 1, д. 269, л. 94; ф. 27, оп. 2; д. 10, л. 32; д. 814, л. 39; д. 818, л. 7.

¹⁶ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 795, л. 70; Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. № 21. С. 48.

¹⁷ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 814, л. 39; ф. 10, оп. 1, д. 243, л. 7; *Стрельцова А. И.* Партийная организация Саратовской губернии в борьбе за проведение полити-

Причиной искаженного понимания сущности новой экономической политики было не только плохое знание членами саратовских парторганизаций нового законодательства советской власти, но и бессистемное распределение поступающих в уезды газет и декретов советской власти по волостям и деревням. Большинство печатной продукции оседало в уездных городах у ответственных работников и в советских учреждениях. Поэтому многие деревенские ячейки РКП (б) просто не имели полного представления о происходящих в стране и губернии переменах экономического курса. Так было в Аткарском, Камышинском, Балашовском и Саратовском уездах ¹⁸. Чтобы изменить существующее положение, в конце апреля 1921 г. Саратовский губком предложил всем уездам направить большую часть литературы в деревню, организовать правильную расклейку газет по волостям и деревням, а также чтение газет в клубах. Кроме того, в конце июня того же года Саратовский губисполком распорядился издать ряд простых общедоступных листовок и популярную брошюру с разъяснением значения новой экономической политики ¹⁹. Судя по материалам XII губернской партконференции (март 1922 г.), в итоге этой разноплановой деятельности советских и партийных органов губернии действительно произошло повышение уровня политического развития членов партии, особенно партийных ячеек в городе Саратове. Если раньше, как видно из вышеизложенного, многие члены партии считали нэп принципиальной ошибкой, то теперь, отмечалось в протоколе партконференции, «... общее мнение нашей партии уже пришло к заключению, что ... НЭП ... само по себе представляет сплетение ... ошибок, в деталях конечно, но, во всяком случае, не в принципе» ²⁰.

Отметив оживление партийной работы, партконференция постановила и далее способствовать улучшению состояния парторганизации путем дальнейшего укрепления губернской и районных партшкол, кружков, вечерних курсов ²¹. О реализации этого постановления можно судить на основании анализа состояния Саратовской парторганизации, сделанного на страницах «Вестника Саратовского губкома РКП» в январе 1923 г.: «В отношении политпросвещения партии дело обстоит хорошо. У нас уже имеется до 140 кружков ... и число их продолжает расти ... Удовлетворительно рабо-

---

ки партии в деревне в восстановительный период (1921–1925): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 154.

¹⁸ См.: ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 316, л. 133; д. 48, л. 67; ф. 10, оп. 1; д. 433, л. 130; ф. 104, оп. 1, д. 248, л. 16.

¹⁹ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 710, л. 191; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 48, л. 67.

²⁰ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 795, л. 47, 70–71.

²¹ Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. №19. С. 57–58.

тают губернская и районные партшколы»²². Аналогичная ситуация складывалась и в некоторых уездных комитетах партии: в Аткарском уезде партшколу посещало в среднем 75% членов партии, в Балашовском курсы посетило до 300 коммунистов²³.

Однако не во всех уездах ситуация была столь благополучной. Например, в Дергачевском уезде только 30% членов хорошо разбирались в нюансах проводимой в стране политики, менее информированными о смысле произошедших в стране перемен были члены укома в Еланском уезде. Сущность нового курса экономической политики была слабо усвоена и членами волостных комитетов РКП (б), в частности, в Коленской волости Аткарского уезда²⁴. Объясняется это тем, что работа по политпросвещению членов партии проводилась в основном в городах. В деревне же эта работа практически не проводилась, ограничиваясь приездом ответственных лиц для проведения той или иной кампании. Лишь с конца 1922 г. стало реально ощущаться «... развитие и углубление политпросветительской работы в деревне»²⁵.

С переходом к нэпу все структуры парторганизации губернии, как и всей страны в целом, были охвачены процессом массового выхода из партии. Так, в Хвалынском уезде из РКП (б) вышло около 100 человек, еще больше в Аткарском уезде – до 600 человек. О серьезности этого явления можно судить по тому факту, что 1/3 членов губкома РКП (б) была занята разрешением этого вопроса²⁶. Но наряду с избавлением партийных рядов от случайных, неустойчивых элементов, партия лишалась большого количества по-настоящему преданных ей крестьян-коммунистов, а это, отмечал 2-й пленум губкома РКП (б) (июнь 1921 г.), есть потеря единственного средства для партии, посредством которого она организует и связывает крестьянские массы с рабочим классом²⁷. Поэтому массовый выход из партии встревожил руководство РКП (б). В конце мая 1921 г. саратовские коммунисты получили из Москвы телеграмму за подписью ответственного секретаря ЦК РКП (б) В. М. Молотова, где рекомендовалось очень внимательно изучать случаи выхода из партии, обращать особое внимание на социальное положение, участие в войне,

---

²² Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. №1(26). С. 51.

²³ Там же. С. 60–61.

²⁴ Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. №1(26). С. 61–62; ЦДНИСО, ф. 1838, оп. 1, д. 23, л. 13.

²⁵ ЦДНИСО, ф. 10, оп. 1, д. 432, л. 89, 93.

²⁶ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 10, л. 15, 58; Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №9. С. 1.

²⁷ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 10, л. 38.

партийный стаж выходящих ²⁸. Необходимость изучения причин добровольного выхода из партии признала и X губернская партийная конференция в постановлении о реализации решений X съезда РКП (б)²⁹.

Руководствуясь как телеграммой центра, так и решением губпартконференции, саратовские власти пришли к выводу, что случаев выхода из партии по идеологическим соображениям, «за несогласие с нэпом» гораздо меньше, чем случаев выхода из-за чрезвычайно тяжелого материального положения коммунистов. Сохранившиеся в архиве документы парторганизаций подтверждают это. Случаи выхода из партии «из-за несогласия с нэпом» фиксируются лишь в Новоузенском и Балашовском уездах, случаи же выхода из-за тяжелых материальных условий жизни коммунистов фиксируется в Кузнецком, Саратовском, Хвалынском, Дергачевском, Сердобском уездах и в самом губернском центре ³⁰. Спасаясь от голодной смерти, многие жители этих уездов, в том числе члены партии, стремились заняться каким-нибудь кустарным промыслом, обзавестись своим подсобным хозяйством или вовсе покинуть губернию ³¹. Многие коммунисты, выходя из партии и желая повысить свое благосостояние, вступали в брак с дочерьми частных предпринимателей, торговцев, получая, таким образом, материальную поддержку. На этот шаг их толкало руководство губкома, неспособное обеспечить им прожиточный минимум. Коммунисты-крестьяне рассуждали так: «... раз те, кто не вступает в партию, могут есть блины, да еще и с маслом, а партия блинов не дает, значит надо уходить» ³². В городе же во многих предприятиях и учреждениях (а коммунисты почти все работали там) обыденным явлением была задержка выплаты жалованья и пайка³³. Однако далеко не все коммунисты, чтобы повысить свое материальное благосостояние, стремились выйти из партии, многие использовали свое служебное положение в целях самоснабжения. Это явление в официальных документах того времени именовалось процессом «обрастания собственностью», кото-

---

²⁸ ЦДНИСО, д. 40, л. 10-а.

²⁹ Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства 1921–1925. С. 37.

³⁰ См.: ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 12, л. 27 об.; д. 48, л. 2; д. 801, л. 45; д. 815, л. 34 об.; д. 817, л. 109; ф. 10, оп. 1; д. 433, л. 14; ф. 104, оп. 1, д. 248, л. 16; Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №11. С. 10-11.

³¹ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 799, л. 147; д. 324, л. 34; д. 48, л. 2; Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №11. С. 10-11.

³² Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. №18. С. 31; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 801, л. 27.

³³ Там же. 1922. №18. С. 31.

рый шел параллельно с выходом из партии. Так, в Вольске члены партии обзавелись собственностью на многие десятки тысяч рублей, а в Хвалынске один коммунист приобрел «... за 250 миллионов дом, за 200 миллионов мотор и еще дощаник ...»³⁴ В общем, даже среди членов губкома к октябрю 1922 г. только 19 человек не имело собственности³⁵.

Для «оздоровления» партийной организации губернскими властями был разработан специальный план. В докладе губкома на X губпартконференции говорилось, что реализация этого плана привела к созданию экспедиционных отрядов, усилиями которых организации некоторых уездов были приведены в порядок. Дело дошло до того, что губком распорядился «... ввести дисциплину диктаторскими приемами ...», т. е. не давать разрешения на выход ³⁶. Саратовский губком в марте 1922 г. поручил собственному агитационному отделу издать по уездкам циркулярное письмо с рекомендацией беспощадной борьбы с тягой коммунистов к «обрастанию» собственностью. О серьезности намерений губернских партийных руководителей можно судить, в частности, по факту исключения из рядов РКП (б) целой волостной организации в Вольском уезде ³⁷. Но выбранный губкомом путь репрессий оказался малоэффективным: выход из партии и приобретение собственности продолжались ³⁸. Поэтому чтобы искоренить эти явления или хотя бы уменьшить их масштабы, необходимо было пойти на улучшение материального благосостояния членов партии. По этому поводу в статье «Очередные задачи РКП» в одном из номеров «Вестника Саратовского губкома РКП» отмечалось: «Так как быт определяет мышление, то для коммунистического мышления коммунистов необходимо усилить коммунизацию их быта» ³⁹. В середине марта 1922 г. во все волостные комитеты РКП (б) были разосланы циркуляры, предписывающие организовать внутри своей организации широкую взаимопомощь каждому члену РКП (б) в экономическом, материальном и хозяйственном плане ⁴⁰.

Первоначально движение в этом направлении для губернских властей было очень затруднено, поскольку оказать какую-либо материальную помощь, особенно рядовым членам партии, инвалидам, губком РКП (б) не имел реальной возможности. Поэтому ему прихо-

---

³⁴ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 801, л. 17.

³⁵ Там же. Д. 799, л. 102.

³⁶ Вестник Саратовского губкома РКП. 1921. №8. С. 3; №9. С. 1.

³⁷ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 801, л. 30, д. 804, л. 70 об.

³⁸ Там же. Д. 811, л. 25. д. 816, л. 130.

³⁹ Вестник Саратовского губкома РКП. 1922. №17.. С. 3.

⁴⁰ ЦДНИСО, ф. 5680, оп. 1, д. 16, л. 10–10 об.; ф. 5692, оп. 1, д. 7, л. 112–112 об.

дилось делать исключения из правил, разрешая таким категориям членов партии выезд в другие регионы страны; освобождая многих рядовых членов от многих партобязанностей и предоставляя им, таким образом, возможность самим содержать себя и свои семьи ⁴¹. В более привилегированном положении находились пострадавшие от «бандитизма» политработники, их семьи. Для оказания им помощи ВЦИКом было выделено 3 млрд рублей. Из этой суммы в ответ на просьбу Саратовского губкома в ноябре 1921 г. в распоряжение Саратовского губисполкома было ассигновано 500 млн. рублей. Определенная помощь саратовским коммунистам была оказана и общим отделом ЦК РКП (б), который за 7 месяцев (с 21 марта по 1 октября 1921 г.) распределил среди сотрудников губкома, КСМ и райкомов свыше 5 тыс. пайков госснабжения и денежных пособий на сумму свыше 85 тыс. рублей ⁴².

Переломный момент в деле материального обеспечения членов партии наступил с возникновением в Саратовской губернии, по постановлению XII Всероссийской партконференции (август 1922 г.), губернского и уездных комитетов помощи нуждающимся членам РКП (б). Согласно положению о фонде и организации этих комитетов, источником пополнения фонда взаимопомощи были, во-первых, специальные обложения (с членских взносов, например), а, во-вторых, из добровольных отчислений членов партии, учреждений и организаций. Фонд состоял из денежной и натуральной части⁴³.

Но помощь оказывалась далеко не всем нуждающимся. В постановлении XII Всероссийской партконференции было записано: «Конференция считает, что категория членов партии, которым может быть оказана помощь ... должна быть ограничена и обнимать: а) товарищей, впавших в острую нужду (больных, подвергавшихся частным переброскам и мобилизациям и т.п.); б) семьям погибших в гражданскую войну и на партийном посту товарищей» ⁴⁴. Но даже этим членам партии нередко приходилось доказывать президиуму ячейки или волкому (в уездах), что положение их было действительно катастрофическим. Такой порядок оказания помощи могли лишь частично решить проблему повышения материального благосостояния. Действительно, усилиями губкомиссии взаимопомощи к концу 1922 г. удовлетворено было лишь около 500 человек, преимущественно членов городских организаций. Поэтому материальное положение членов деревенских ячеек РКП (б) оставляло желать

---

⁴¹ ЦДНИСО, ф. 88, оп. 1, д. 220, л. 21, 22

⁴² Там же, ф. 27, оп. 2, д. 45, л. 52; РГАСПИ, ф. 17, оп. 14, д. 660, л. 70.

⁴³ КПСС в резолюциях ... С. 594–595; ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 831, л. 17; ф. 136, оп. 1, д. 121, л. 1–2.

⁴⁴ Там же, с. 595.

лучшего, являясь причиной выходов из волкомов беднейших крестьян-коммунистов⁴⁵.

Тяжелое материальное положение заставляло деревенских коммунистов и нарушать коммунистическую этику, «обрастать» собственностью. Архивные материалы фиксируют множество фактов такого «обрастания» на протяжении всего 1923 г.⁴⁶ Причем делалось это скрытно, например, приобретение в собственность домов, сдача домов в аренду или участие в торговле происходило через посредство родственников или жены⁴⁷. Масштабы, как тогда говорили, «хозяйственного обрастания» вызвали даже озабоченность центра, откуда в мае 1923 г. пришла телеграмма за подписью В. М. Молотова. В ней ЦК советовал местным организациям вести систематическую борьбу с этим явлением как путем расширения и углубления воспитательной работы среди партийных масс и особенно в деревне, так и посредством раздачи склонным к «хозяйственному обрастанию» коммунистам индивидуальных поручений, переброски с одной работы на другую. Прибегать к решительным мерам (исключение из рядов РКП (б)) ЦК предписывал только по отношению к тем коммунистам, на которых эти меры не действовали⁴⁸.

Оказание материальной помощи членам РКП (б) и членам их семей не ограничивалось деятельностью лишь одних комиссий взаимопомощи. Этой цели было подчинено и функционирование созданных в 1921 г. комиссий по оказанию помощи голодающим коммунистам. Большое количество потерявших работу в ходе сокращения промышленного производства и попавших в затруднительное положение членов партии усилиями орготдела губкома РКП (б) было послано на фабрики и заводы, в ряды Красной Армии, милицию. Это способствовало тому, что с февраля 1922 г. безработица среди коммунистов почти исчезла⁴⁹.

Благодаря широкому спектру предпринятых мер успехи были все-таки достигнуты. Успехи эти – результат не столько совокупных усилий советских и партийных органов губернии в области улучшения материального состояния членов партии и осведомленности в вопросах партийно-государственного строительства, сколько улучшения экономического состояния губернии: хорошего урожая 1922 г., роста посевных площадей, первых успехов в борьбе с последствиями голода. Судя по материалам отчета о политико-

---

⁴⁵ ЦДНИСО, ф. 200, оп. 1, д. 508, л. 13; ф. 10, оп. 1, д. 432, л. 87; ф. 448, оп. 1, д. 42, л. 7.

⁴⁶ Там же, ф. 27, оп. 3, д. 23, л. 18; д. 143, л. 91; д. 147, л. 11 об., 82; д. 180, л. 39.

⁴⁷ Там же, ф. 138, оп. 1, д. 161, л. 124.

⁴⁸ Там же, ф. 27, оп. 3, д. 32, л. 30, д. 105, л. 37.

⁴⁹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 383, л. 11; ф. 27, оп. 2, д. 799, л. 12.

экономическом состоянии Новоузенского уезда за июнь-июль 1922 года, в среднем девять из десяти членов укома стали лучше разбираться в сущности нэпа, что отразилось на сокращении до 10% числа добровольных выходов из партии. В ряде уездов губернии запущенный механизм нэпа постепенно начал давать первые ощутимые результаты. Так в краткой сводке о политическом состоянии Камышинского уезда за август 1922 г. сообщалось, что «в деревне влияние НЭП начинает сказываться довольно ощутимо»⁵⁰. В октябре 1922 г. на XIII губпартконференции было отмечено оживление партийной работы и увеличение тяги рабочих в партию⁵¹. Материалы об усиленной тяге в РКП (б) крестьянства и рабочих масс содержатся также и в первом номере журнала «Вестник Саратовского губкома РКП» за 1923 г. В феврале 1923 г. XIV Саратовская губпартконференция РКП (б) отмечала, что выход из партии «...неустойчивых элементов пополняется с избытком свежими силами. Тяга в партию среди рабочих велика»⁵². Все это свидетельствует о постепенном преодолении саратовской организацией РКП (б) кризиса, порожденного сменой экономического курса в стране, хотя негативные явления еще наблюдались в отдельных уездных организациях. Получив одобрение и признание со стороны партийных и советских работников губернии, новый курс экономической политики Советского государства получил своеобразную путевку в жизнь.

---

⁵⁰ ЦДНИСО, ф. 27, оп. 2, д. 816, л. 93 об., 124.

⁵¹ Там же, ф. 27, оп. 2, д. 797, л. 10, 32.

⁵² Вестник Саратовского губкома РКП. 1923. №1(26). С. 64, 66.

ПЕРЕВЫБОРЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ
В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
(1929–1930)

По Конституции СССР 1924 г. верховным органом государственной власти в стране формально был Всесоюзный съезд Советов, формировавшийся путем многоступенчатых выборов. Высшими органами управления в территориальных образованиях являлись съезды Советов разных уровней и их исполкомы, в селах и городах – сельские и городские Советы. Перевыборы депутатов проводились один раз в год открытым голосованием на избирательных собраниях, организуемых по предприятиям и учреждениям. Неработающие и не входящие в профсоюзы граждане голосовали там же или по особым участкам; в селах все происходило при сельсоветах. Кандидаты и их списки могли выдвигаться общественными, партийными организациями или отдельными гражданами.

Лишь выборы 1926 г. были признаны Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) «первой после окончания гражданской войны ... широкой и открытой избирательной компанией»¹. Открытость была относительной: по действующей Конституции права избирать оказались лишенными сотни тысяч «нетрудовых, эксплуататорских и классово чуждых элементов». Участие же в выборах основных социальных групп действительно с каждым годом росло благодаря усиленному вниманию к этому партийно-государственных органов.

В октябре 1928 г. созывается Всесоюзное совещание по вопросам улучшения руководства переборами Советов 1929 г. Подготовкой к отчетной кампании в Нижне-Волжском крае занялись уже через месяц. В январе 1929 г. в Саратове между предприятиями учредили соревнование на проведение лучших выборов в городе и сельской местности². Наряду с массовой посылкой рабочих бригад в деревню по линии партии стали привлекать студентов вузов и техникумов, дополняя это митингами – «перекличками» между предприятиями и селами. Но довольно пассивное участие профсоюзных и других общественных организаций привело к срыву некоторых отчетных собраний, повсюду отмечалась плохая подготовка докладчиков. За повседневными делами те или иные ячейки ВЛКСМ могли проигнорировать данные мероприятия, другие подверглись обвинениям в

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 36.

² ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 23, л. 2.

примиренчестве к «кулацко-нэпмановским махинациям»³. Призыв крайкома ВЛКСМ явиться ячейкам на собрания для обоснованной критики недостатков в деятельности Советов и внесение предложений, услышан был не всеми⁴.

Узнать из первых рук о проделанной советской властью работе стремились далеко не все избиратели в округах: на собрания бедноты, самой активной части населения, могла явиться только треть от списочного состава. Делались попытки особо учесть охват агитации таких групп населения, как молодежь, женщины, безработные. Но уровень ведения статистики в отдельных случаях не позволял выяснить с точностью даже количество бедняков, ставших депутатами. Данный же показатель был основной.

В городах края явка рабочих на отчетные собрания составила около 70%, служащих – 60%, «неорганизованного» населения – 45%; в деревне общая явка не поднималась выше 40% и т.д.⁵. Горожане настойчиво требовали устранить очереди в магазинах, жаловались на снабжение недоброкачественными продуктами, на стеснительные жилищные условия и т.п. Широкий общественный резонанс получило уголовное дело, заведенное на бывшего председателя Саратовского горсовета Акимова, уличенного в растрате бюджетных денег. Жаркие дискуссии разгорелись вокруг намечавшегося закрытия церквей, – большинство саратовцев высказалось против этого. Имела место попытка безработных и домохозяек в одном из районов Саратова добиться выдвижения своего списка кандидатов помимо списка от партийной организации как «не гарантирующего защиту их интересов»⁶. На собрании безработных железнодорожников звучали сходные настроения: «Члены партии занимают ответственные посты и приобретают домики, скоро они будут такими же дворянами, которые были раньше. Нет у нас справедливости, и не будет»⁷.

В деревне середняки нередко попадали в изоляцию в результате официального курса на «обеднячивание» сельсоветов, с заседания которых воинственная беднота изгоняла всех неудобных. Часто поднимавшийся вопрос о необходимости создания Всероссийского крестьянского союза переплетался с требованием уравнивать положение крестьян и рабочих. Отчеты составлялись на скорую руку прежде всего председателями сельсоветов, в то время как другие члены от-малчивались. Наказы и крестьян, и рабочих игнорировали полити-

---

³ Известия Нижневолжского крайкома ВЛКСМ. 1929. № 1. С. 3.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 93, л. 58 об.

⁶ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 112, л. 3.

⁷ Там же. Д. 82, л. 60 об.

ческие установки и носили узко хозяйственную направленность. Активность сельской интеллигенции можно охарактеризовать как низкую. Имелись единичные случаи, подобные произошедшему в с. Турки Балашовского округа. Там во время праздничной демонстрации выступили несколько бывших эсеров со своими знаменами и лозунгами⁸.

При лишении избирательных прав участковые комиссии неправомерно заносили в черные списки середняков, успевших проявить нелояльность к власти. Сводили личные счета и с бедняками. По сравнению с 1928 г. «лишенцев» в Саратове (по не уточненным данным) стало больше на 1,5–2 тыс. человек (до 11 тыс.), в Балашове и Хвалынске – на 12 %, Вольске – на 7 %⁹.

Со стороны кулачества, других враждебно настроенных групп развернулось противодействие начинаниям власти. Органы ОГПУ и прокуратуры регистрировали значительное количество преступлений «террористического» характера, направленных против советских активистов. Часть сотрудников избиркомов подавала в отставку из-за опасений пострадать от рук недоброжелателей. Такие шаги коммунистов рассматривались как дезертирство. Не обходилось без курьезов, когда партийные и комсомольские организации выступали на выборах в Советы самостоятельно, с различными кандидатурами. Для представителей номенклатуры, в том числе из составов президиумов крайкомитетов профсоюзов, процесс упрощался – по партийной линии им бронировали места в горсоветах. Персональный список согласовывался с партиячейками, райкомом, орграспределом окружного комитета ВКПб¹⁰.

Об итогах выборов много говорит пример Балашовского округа, где в новых Советах оказалось бедняков – 53 %, середняков – 30 %, батраков – 6 %, рабочих – 2,5 %¹¹. Удельный вес рабочих и батраков в Советах страны поднялся в целом с 5 % до 8,7 %, бедноты с 34 до 46%¹². Из 74 млн 53 тыс. человек, имевших право голоса в СССР, в выборах 1929 г. участвовало 47 млн 75 тыс. человек¹³.

Президиум ЦИК СССР, подводя предварительные итоги избирательной кампании в марте 1929 года, отметил такие достижения, как рост активности граждан и усиление руководящей роли рабочего класса. Но имеющиеся недочеты требовалось устранить, осуществив

---

⁸ ЦДНИСО, д. 77, л. 52.

⁹ Там же, л. 7.

¹⁰ Там же, д. 99, л. 5.

¹¹ Там же, д. 77, л. 11.

¹² *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 104.

¹³ Рабочий класс в управлении государством. М., 1968. С. 68.

проверку, а по сути, пересмотр, выборов там, где в Советах «недостаточно отразилось представительство... середняков, бедняков, батраков»¹⁴. Наметившийся курс на ускоренную коллективизацию ставил сельсоветы в центр внимания, и ноябрьский пленум ЦК ВКП (б) выдвинул лозунг: «Советы лицом к колхозному движению!»¹⁵. 31 января 1930 г. рассылается циркуляр, который указывал провести досрочные перевыборы в сель- и райсоветы, если их члены не справлялись с задачами по коллективизации.

К этому времени началась плановая предвыборная кампания в Нижне-Волжском крае, которой предшествовала «смотри-проверка» работы Советов. Выяснилось, что они весьма плохо руководили хозяйственной, культурной и общественной жизнью села, являясь в лучшем случае чисто административными органами, механически выполняющими директивы вышестоящих инстанций. Заседания проводили редко, фактически активность проявляли только председатели и секретари.

Для руководства предыдущей перевыборной кампанией горизбиркомом Саратова создавались комиссии при краевых отделах профсоюзов и выделялись уполномоченные на предприятия. Теперь горсовет посчитал более целесообразным установить руководство напрямую через избиркомы, которых по городу организовали 180. Выборы 1930 г. планировалось провести в несколько этапов: отчетная кампания с 29 января по 14 февраля, отчеты бюро секций на их пленумах наметили на 29 января, далее следовали отчеты президиума горсовета и депутатов. Сам процесс голосования продолжался две недели (с 15 по 28 февраля)¹⁶.

Наказы избирателей по-прежнему не включали в себя плана конкретных мероприятий по осуществлению «линии партии и правительства», горсовет провел отчетность формально. По городам на собраниях «чуждые элементы» прения по докладам старались свести к вопросам продовольственных затруднений, объясняя их как закономерный итог проводимой партией политики. Поползновения, как отметили инструкторы крайкома ВКПб, получили «должный отпор со стороны рабочего класса»¹⁷. Горизбирком Саратова доверил (в нарушение законодательства) лишение избирательных прав участковым комиссиям, что значительно увеличило количество «лишенцев». Практиковалось выселение указанной категории граждан из квартир, отбирали талоны на продовольственный паек,

---

¹⁴ Собрание законов СССР. 1929. Март. № 19.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях ...Т. 5. С. 8–37.

¹⁶ Поволжская Правда. 1930. 28 янв. № 22.

¹⁷ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 176, л. 61.

отказывали в медицинской и другой помощи, исключали детей из школ и т.п.

Пытаясь учесть прошлогодние ошибки, фракция ВКП(б) в крайисполкоме в феврале 1930 г. распорядилась обеспечить в районах решающее влияние на выборах бедноты в блоке с середняком¹⁸. Сельизбиркомы, работая без должного плана, обеспечить необходимые результаты смогли не везде. На следующий месяц бюро крайкома ВКП(б) дало директиву о немедленных перевыборах сельсоветов с недостаточным представительством в их составе середняков¹⁹.

Вообще, выборы 1930 г. остались мало замеченными, совпав с началом раскулачивания российской деревни. Тем не менее нарушения избирательного законодательства фиксировались. Это становится ясно из постановлений Президиума ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР, вышедших в апреле 1930 года. Окружным исполкомам Советов давалось указание образовать сроком на 2 месяца специальные комиссии для проверки жалоб, поступивших во время выборов²⁰.

Без учета итогов работы комиссий перевыборы в Нижне-Волжском крае дали следующий результат (по 8 округам, кроме АССРНП): крестьян в Советах – 82 %, батраков и с/х рабочих – 8,7 %, сельской интеллигенции – 2 %, служащих – 4,3 %²¹. В горсовете Саратова рабочих оказалось две трети от общего количества депутатов, бывших рабочих – 13,5 %, служащих – 12,9%; в горсовете г. Вольска рабочих – 48,3 %, бывших рабочих – 17,9 %, служащих – 18,7 %, крестьян – 2,7 %²².

Таким образом, по своей идее местные Советы трудящихся, как органы народного представительства, сочетали в себе черты государственных и общественных организаций. Но выборы использовались лишь как средство связи с населением для упрочнения политического режима и мобилизации людских ресурсов. Общественные организации, лишенные стимулов для активного участия в выборах, становились все менее дееспособными. Недочеты в своей работе Советы не спешили устранять, от мнения граждан старались отмахнуться, что сказывалось на престиже этих органов управления.

В ходе рассмотренных отчетных кампаний избирателям было позволено проявлять инициативы, направленные на поддержание «генеральной линии» партии, и указывать на отдельные недостат-

---

¹⁸ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 176, л. 46.

¹⁹ Там же. Л. 51.

²⁰ СЗ СССР. 1930. Апрель. № 19.

²¹ ЦДНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 168, л. 26.

²² Там же. Д. 176, л. 58.

ки. Наряду с предварительным обсуждением на общих собраниях и в печати списков кандидатов избиратели дополняли их новыми фамилиями. Однако система открытого голосования не давала возможность выявить истинные предпочтения общественности. Проявлялась тенденция: чем больше людей привлекалось к голосованию, тем формальнее оно проходило.

